

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ №14 «ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»****Восприятие целостности социальных групп***Агадуллина Елена Рафиковна, Котова Марина Викторовна**аспиранты**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: sen_lo@mail.ru, kotarvik@mail.ru*

Постановка проблемы.

В психологии достаточно большое количество работ посвящено изучению восприятия социальных групп (в дальнейшем – группы) (Агеев, 1983). Центральный вопрос, который стоит перед исследователями, заключается в том, какие именно характеристики (свойства, признаки) позволяют воспринимать некоторое количество людей именно как группу, то есть, как нечто единое, обладающее новыми качествами, по сравнению с качествами индивидов, в нее входящих. В социально-психологической литературе существует несколько направлений исследований, которые пытаются дать ответ на поставленный вопрос. Одно направление делает акцент на изучении процесса категоризации групп, отнесении человеком себя либо других к некоторой группе, а также исследовании предполагаемых последствий данного процесса (Brown, 2004). Другое направление акцентирует внимание на изучении тех свойств социальных групп, на основании которых происходит процесс социальной категоризации (Brewer et al., 2004; Lickel et al., 2000). В данном случае основным понятием для исследования становится понятие «целостность» (Campbell, 1958; Lickel et al., 2001). Воспринимаемая целостность группы определяется восприятием определенного сочетания свойств данной группы (Hamilton et al., 2002). Основное допущение заключается в том, что для того, чтобы правильно категоризовать группу необходимо воспринимать ее как целостный объект, т.е. достаточно хорошо быть знакомым с ее свойствами или иметь опыт взаимодействия с ней. Так, человек быстрее и с большей степенью точности категоризирует группы, воспринимаемые как высоко целостные.

Если рассматривать реальное социальное взаимодействие, условия правильной и корректной категоризации достаточно сложно выполнимы, так как чаще всего человек взаимодействует с ранее неизвестными группами. В результате каждая из указанных взаимосвязей (воспринимаемая целостность группы – точность категоризации и опыт взаимодействия с группой – воспринимаемая целостность группы) требует тщательного рассмотрения. Необходимость более тщательного анализа факторов, влияющих на восприятие группы как целостного объекта, и как следствия на ее категоризацию, также обусловлена тем фактом, что понятие «знакомство с группой» и «опыт взаимодействия с группой» достаточно широки и могут заключать в себе ряд других немаловажных параметров, в частности, факт принадлежности к группе (Tajfel et al., 1971). В связи с этим, нами было разработано и проведено исследование с целью изучения восприятия социальной группы как целого при различных условиях.

Процедура и методы исследования.

Исследование состояло из 2-х этапов: пилотажного и основного. Пилотажное исследование было направлено на выявление параметров, благодаря которым группа воспринимается как нечто целое, в нем приняло участие 50 человек. В задачу респондентов входило определить, являются ли, по их мнению, различные объединения

людей (от семьи до пассажиров одного вагона) социальными группами. Ответ необходимо было аргументировать, приведя примеры тех свойств социальных сообществ, которые позволяют сделать вывод, что данные сообщества являются группами. В результате был получен список из следующих свойств: активность, целостность, однородность, структурированность и взаимозависимость (индивидов внутри группы), молодость, агрессивность.

В основном исследовании приняло участие 95 человек, из них 50 женщины и 45 мужчин. Основная задача респондентов заключалась в оценке групп по выделенным признакам, к каждому из которых был подобран противоположный признак, для образования биполярных шкал. 60 респондентов работали с оценкой реально существующих групп, в большей или меньшей степени им знакомых (молодежные политические движения). 35 респондентов работали с оценкой виртуальных, несуществующих групп.

Респонденты, оценивавшие реальные группы (политические молодежные движения) были разделены на 4 подгруппы по двум параметрам: политической активности и политической грамотности. Данное разделение позволило сформировать группы, для которых политические движения будут выступать как знакомые и как незнакомые объекты. Кроме того, при оценке учитывался фактор влияния знаний респондентов (политически грамотные) и опыта взаимодействия (политически активные) на оценку социальных групп.

Респонденты, работавшие с виртуальными группами, подразделялись на 3 подгруппы, 2 из которых отличались по параметру условий «принадлежности» к группе: от свободы выбора и смены группы до невозможности выбрать и сменить группу. Для третьей подгруппы группой «принадлежности» выступал виртуальный народ. Их задачей было оценить по шкалам «свою» группу, то есть ту, к которой они «принадлежали» в ходе исследования, и «чужую» группу.

Результаты.

Для респондентов, оценивавших реальные знакомые и незнакомые социальные группы, были получены результаты, что степень знакомства с группой не влияет на их оценку, так как не было выявлено значимых статистических различий в оценках. Незнакомые социальные группы воспринимаются как целостные объекты, также как и знакомые социальные группы.

Для респондентов, оценивавших виртуальные группы, обнаружены значимые различия в оценке «своей» и «чужой» групп по таким параметрам как активность ($p=0,006$), целостность ($p=0,015$) и структурированность ($p=0,001$) в пользу «своей» группы, т.е. она воспринимается как более активная, целостная и структурированная.

Соответственно, мы можем говорить о том, что связь между фактором знакомости группы и восприятием ее как целостного объекта не настолько однозначна, как предполагалось ранее исследователями. В частности, как показало исследование, одним из важных факторов оценки целостности социальной группы может выступать принадлежность к данной группе, даже при условии виртуальности группы.

Литература.

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М., 1983.
2. Brewer M.D., Hong Y., Li Q. Dynamic Entitativity: Perceiving Groups as Actors // The Psychology of Group Perception: Perceived Variability, Entitativity, and Essentialism. N.Y., 2004. P.25-38.
3. Brown R. Prejudice. Its Social Psychology. Malden, 2004.
4. Campbell D. T. Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates as social entities // Behavioral Science, 1958, Vol. 3, pp. 14-25.

5. Hamilton, D. L., Sherman, S. J., Castelli, L. A group by any other name: The role of entitativity in group perception. In: (Eds.), W. Stroebe, M. Hewstone, European review of social psychology, 2002, Vol. 12, pp.139-166. New York: Wiley.
6. Lickel B., Hamilton D. L., Sherman S. J. Elements of a lay theory of groups: types of group, relational, styles, and the perception of group entitativity // Personality and Social Psychology review, 2001, Vol. 5, No 2, pp. 129-140.
7. Lickel B., Hamilton D. L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S. J., Uhles A. N. Varieties of groups and the perception of group entitativity // Journal of Personality and Social Psychology, 2000, Vol. 78, pp. 223-246.
8. Tajfel, H., Billig, M., Bundy, R. P. Flament, C. Social categorization and intergroup behaviour // European journal of social psychology, 1971, Vol. 2, pp. 149-178.

Речевое развитие детей в двуязычных семьях

*Александрова Алла Александровна*¹

студентка

*Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Дубна,
Московская область, Россия
E-mail: alya_talgar@mail.ru*

Введение

Известно, что большинство людей в современном мире владеют больше, чем одним языком, то есть являются двуязычными, либо многоязычными. Детское же двуязычие в настоящее время охватывает почти половину детей на нашей планете. Но как происходит формирование второго языка, развитие речи у детей, растущих в двуязычных семьях – вопросы, на которые пытаются ответить многие исследователи, но однозначных ответов все еще нет.

Термин «ранний детский билингвизм» используется для характеристики условий воспитания ребенка, находящегося с рождения в контакте с двумя языками и приобретающего во время своего развития одновременно две речевые системы.

Еще в 1928 году Л.С. Выготский писал: «Вопрос о многоязычии в детском возрасте выдвигается сейчас как один из самых сложных и запутанных вопросов современной психологии, с одной стороны, а с другой – как проблема исключительной теоретической и практической важности. Последнее едва ли нуждается в пояснениях».

На сегодняшний день проводятся различные исследования, связанные с изучением формирования речи у детей - билингвов (двуязычных) и мультилингвов (многоязычных), изучаются ситуации, способствующие овладению вторым языком, и факторы, оказывающие влияние на развитие языков, изучается влияние одного языка на другой при двуязычии, но, все еще остается много открытых вопросов. Нередко данные, полученные разными исследователями, занимающимися вышеперечисленными вопросами, являются противоположными.

Проходит немало споров о том, как влияет знание нескольких языков на психическое развитие и последующую жизнь ребенка. Вопросом детского двуязычия занимались многие исследователи: одни были сторонниками раннего билингвального развития, другие выступали против. Немало было тех, которые утверждали, что билингвизм вреден и даже влечет за собой «психологическую отсталость». Большинство же исследователей выступало за положительное влияние двуязычия.

¹ Автор выражает признательность научному руководителю к.п.н. Хозиевой М.В. за помощь в подготовке тезисов

Кроме того, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о различении языков: когда оно начинается, насколько влияет на характер усвоения, вырабатывается ли для обоих языков общая база, наслаиваются они друг на друга или существуют относительно независимо, смешиваются, взаимно сокращаются или обогащают друг друга, а может быть, один является ведущим, а второй усваивается через него.

В связи с этим актуальность нашего исследования определяется необходимостью изучения данной сферы, и поисков ответов на многие поставленные вопросы о закономерностях речевого развития детей в ситуации двуязычия и факторах, на него влияющих.

Методы

Используя следующие методы исследования: анкету для родителей, разработанную на основе первичной анкеты для родителей дошкольников и младших школьников, беседу с родителями, беседу с детьми, методику «генограмма», представляющую собой графическое отображение социальной ситуации семьи, и наблюдение, мы анализировали закономерности речевого развития детей в двуязычных семьях. Объектом исследования были двуязычные семьи с дошкольниками и младшими школьниками. Исследовалось спонтанное овладение ребенком языками, то есть, когда родители не планировали заранее языков общения с ребенком. В исследовании определялся возраст, в котором начинает формироваться речь двуязычных детей; определялись возрастные различия в речевом развитии между одноязычными и двуязычными детьми; определялись причины, с которыми связано начало различения ребенком языков, на которых он говорит; исследовались причины смешения ребенком языков и определялись причины, при которых ребенок допускает ошибки в том или ином языке.

Результаты

Анализ речевого развития ребенка в двуязычных семьях показал, что начало речевого развития ребенка больше зависит от отношения к развитию ребенка в семье, нежели от того, на скольких языках говорят в семье ребенка. Смешение языков ребенком первоначально связано с тем, что он не отличает языков, которыми владеет, и пользуется двумя языками как одним (моноязык). При этом он выбирает те слова, которые легче произносятся, либо короче. Ребенок начинает различать языки, на которых говорит только к 3 – 4 годам, что связано, вероятно, со сменой социальной ситуации развития и ведущей деятельности. Ошибки, допускаемые двуязычными детьми, связаны так же, как у одноязычных детей с тем, что они еще не усвоили языковые правила. Кроме этого, еще и с тем, что правила одного языка переносятся в другой. Причины отказа ребенка от одного из языков могут быть связаны с падением авторитета одного из них, или с отсутствием понимания у ребенка его необходимости.

Как и следовало предположить, двуязычные дети, родители которых с раннего детства занимаются их развитием и обучением, усваивают два языка не медленнее и не хуже, чем одноязычные дети усваивают один.

То есть, речевое развитие ребенка, его уровень овладения языками, его отношение к языкам во многом зависят от семьи, от отношения родителей к ребенку, к его воспитанию и развитию.

Но, для помощи родителям в организации таких условий, в которых усвоение ребенком сразу двух языков будет проходить наиболее полно и без вреда каждому из языков и развитию самого ребенка, необходимо более полное и подробное исследование и изучение факторов, влияющих на формирование и развитие речи двуязычных детей.

Литература

1. Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Психология развития ребенка, М.: «Эксмо», 2006. с.393 – 421
2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: «Смысл», 1997, 288с.
3. Протасова Е.Ю. Дети и языки. Организация жизнедеятельности детей в двуязычном детском саду, М., 1998.

4. Хозиева М.В. Практикум по возрастнo-психологическому консультированию. М.: Academia, 2002.
5. Материалы сайта <http://eursa.org>

Особенности этнических стереотипов украинской молодежи с крайними националистическими взглядами

Барсова Татьяна Владимировна¹

студентка

Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова, Одесса, Украина.

E-mail: fleurishe@gmail.com

В современной Украине в известном смысле сложились "благоприятные" условия для реализации национализма. Предполагается, что большинство населения Украины не обладает крайними националистическими взглядами, однако допускается наличие потенциальной, латентной этнической нетерпимости, которая не выражается, не осознается и не реализуется [4]. Однако в центральных и восточных областях Украины среди радикально настроенной молодежи находит свое развитие так называемый новый украинский национализм, представители которого, в отличие от представителей классического западно-украинского национализма, активно эксплуатируют идеи расизма. На сегодняшний день их деятельность сводится к уличным стычкам, маршам, митингам, пропаганде и популяризации своей идеологии в сети Интернет.

В свете этого чрезвычайно важным становится вопрос об изучении механизмов межгруппового восприятия в межнациональных отношениях, одним из которых является механизм стереотипизации. Исследователями межэтнического взаимодействия отмечается многофункциональность этнических стереотипов, где особой важностью обладает функция психологической самозащиты этноса [3]. В случае неформальных группировок правого толка стереотипы могут выполнять именно эту функцию на фоне политической неустойчивости и социально-экономической неудовлетворенности.

Целью данного исследования является выявление особенностей этнических авто- и гетеро-стереотипов у представителей молодежи с крайними националистическими взглядами, проживающих в Украине.

Предметом исследования являются этнические стереотипы молодых украинцев, придерживающихся крайних националистических взглядов. Объектом исследования являются молодые украинцы, придерживающиеся крайних националистических взглядов.

В качестве основного метода выявления этнических стереотипов был выбран метод свободных ассоциаций. Испытуемым предлагалось назвать все слова-реакции на слово-стимул в течение одной минуты, при этом особое внимание уделялось первым реакциям. Стимульным материалом служат 12 слов этнонимов.

Для исследования эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа в качестве дополнительной методики был использован набор из 10 биполярных шкал с оценочными характеристиками, по которым испытуемый должен был оценить каждую из 12 национальностей: азербайджанец, американец, англичанин, африканец, еврей, китаец, немец, русский, украинец, француз, чеченец, эстонец. В роли испытуемых выступили жители Киева, всего 30 человек, обоих полов, в возрасте от 20 до 26 лет, причем 15 из них по собственному утверждению имеют крайние националистические взгляды, и 15 из них таких взглядов не имеют.

¹ Автор выражает признательность доценту, к.пс.н. Чачко С.Л. за помощь в подготовке тезисов.

Результаты

Все ассоциации, полученные в процессе исследования, анализировались исходя из когнитивной и эмоциональной составляющих, включенных в стереотип. Эмоциональный аспект стереотипа - переживание - мы рассматривали на основе 10 базовых эмоций: интерес-возбуждение, удовольствие-радость, удивление, горе-страдание, гнев-ярость, отвращение-омерзение, презрение-пренебрежение, страх-ужас, стыд-застенчивость, вина-раскаяние [2]. Когнитивной составляющей стереотипа мы называем семантические категории безоценочного характера, отображающие яркие предметно-содержательные черты, включенные в образ человека другой национальности.

В результате анализа полученных данных были выявлены значительные различия между двумя группами испытуемых в эмоциональной составляющей стереотипов. В целом, у лиц с националистическими взглядами преобладает эмоционально-оценочный тип реагирования, причем, это проявляется не только в отношении валентных, то есть эмоционально значимых национальностей. В отношении национальностей азербайджанец, африканец, еврей и чеченец прослеживается образ врага, преобладают эмоции страха, гнева и отвращения. В меньшей степени негативную оценку получили китайцы - их респонденты оценили как неопасных и неагрессивных в настоящее время, однако несущих определенную потенциальную опасность. Негативную оценку получили все европейские нации - англичанин, немец, француз, русский и украинец, а также американец. Однако в отношении этих наций наблюдается двоякая позиция: с одной стороны, имеет место идеализация героического прошлого, с другой стороны - явное осуждение современного образа жизни представителей этих наций. Таким образом, у большинства лиц с националистическими взглядами выявлен феномен идеализации прошлого и фрустрации восприятия настоящего и будущего. Вторая группа испытуемых, представленная молодыми украинцами, не разделяющими крайние националистические взгляды, не показала столь яркой эмоциональной вовлеченности. Исключение составляет лишь образ чеченца, который у большинства респондентов этой группы связывается с эмоцией печали.

Особо следует отметить двойственность восприятия собственной нации молодыми украинцами с крайними националистическими взглядами. Большинство респондентов не проявили реакций идеализации представителей своей национальности. Также, был отмечен феномен идеализации своего героического прошлого. По отношению к современным украинцам у большинства представителей этой группы прослеживаются эмоции, связанные с проявлением неодобрения (печаль, стыд, вина). У испытуемых, не разделяющих крайние националистические взгляды, отношение к собственной нации отмечено эмоцией радости, значительно снижена фрустрационная тенденция (лишь в одном случае была упомянута бедность).

Различия в когнитивной составляющей стереотипов скорее не качественные, а количественные: если у националистов эмоционально-оценочные стереотипы значительно преобладают над безоценочными, то у испытуемых, не разделяющих крайние националистические взгляды, преобладают безоценочные стереотипы.

Литература:

1. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента, М.-Харьков: Ра-Каравелла, 2001.
2. Изард К. Психология эмоций. - СПб.: Изд-во «Питер», 1999.
3. Налчаджян А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. – Ереван: Изд-во «Огебан», 2000.
4. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. - Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

5. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. - СПб: Изд-во "Питер", 2000.
6. Петренко В.Ф., Кравцова А.Р., Митина О.В., Осипова В.С. Этнические стереотипы российских граждан.

Социально-психологические аспекты межкультурной компетентности

Витлина Марина Борисовна

студентка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mvitlina@gmail.com

В современном мире активно происходит экономическая и политическая интеграция, развиваются средства массовой коммуникации, стало возможным свободное передвижение по странам и континентам. Всё это приводит к постоянным межкультурным контактам на самом разном уровне, к тесному соприкосновению различных культур. Поэтому особенно актуальными становятся проблемы устранения «культурного непонимания», улучшения межкультурного взаимодействия. В западном мире, особенно в США, ещё в середине XX века начали исследовать проблемы межкультурной коммуникации, проблемы повышения эффективности взаимодействия представителей различных культур, то есть проблемы межкультурной компетентности.

В нашей же стране до начала 90-х годов прошлого века эта проблематика практически не разрабатывалась, поскольку согласно официальной идеологии Советского Союза все граждане страны жили в «единой семье народов» и никаких трудностей общения, связанных с культурными различиями, у них просто не могло возникнуть. Однако с распадом СССР, с падением железного занавеса, с началом интеграции России в мировое сообщество разработка проблем межкультурной компетентности, как в теоретическом, так и в практическом направлении становится особенно актуальной.

Самое общее определение межкультурной компетентности может звучать следующим образом: это способность человека эффективно общаться с представителями других культур, то есть достигать своих целей при общении и при этом соответствовать ожиданиям своих партнеров. Большинство исследователей подчеркивают важность категорий «эффективность» и «адекватность» (уместность) при определении компетентности [Koester et al., 1993]. Эффективность можно объяснить как достижение в общении поставленных целей, нужных результатов; адекватность – как отсутствие нарушений значимых правил, действующих в данном культурном контексте, и соответствие ожиданиям противоположной стороны. В структуре межкультурной компетентности целесообразно выделять четыре основных компонента: мотивационный, аффективный (эмоционально-личностный), когнитивный и поведенческий.

Вопрос о том, что является ключевым в понятии межкультурной компетентности: компетентность в общении или культурная специфика, можно назвать одним из основных. Существуют различные точки зрения по поводу того, нужно ли сначала изучать культурные различия, а затем их влияние на компетентность или же сначала исследовать саму компетентность в общении в рамках одной культуры [Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2001]. Таким образом, одной из важнейших проблем, как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики, является проблема разграничения общекультурной и культурно-специфической компетентности.

Культурно-специфическая или этнокультурная компетентность – это способность эффективно взаимодействовать с представителями той или иной конкретной культуры. Общекультурная компетентность – это в принципе способность к взаимодействию с людьми, имеющими другие ценности, поведенческие коды. Таким образом, можно говорить о том, что общекультурная компетентность является как бы фундаментом,

первой ступенью, на которую накладывается уже компетентность в отношении определенной культуры или множества различных культур. Учитывая структуру межкультурной компетентности, рассмотренную выше, можно говорить о том, что мотивационный и аффективный блок относятся скорее к общекультурной компетентности, тогда как когнитивный и поведенческий – к культурно-специфической. Хотя, конечно, нужно учитывать, что подобное разделение достаточно условно. Представляется, что для развития культурно-специфической компетентности зачастую достаточно лишь дидактических способов обучения, в то время как для того, чтобы человек приобрел общекультурную компетентность, необходимы специальные, в первую очередь, тренинговые методы обучения. Отсюда можно сделать важные для практики выводы: можно предположить, что основная работа психологов и других специалистов должна быть направлена на развитие именно общекультурной компетентности.

Общекультурная компетентность является многокомпонентным образованием. Но существует точка зрения, что одной из основных составляющих общекультурной компетентности является межкультурная сензитивность – чувствительность к различиям между культурами, осознание возможности возникновения трудностей в межкультурном общении. Можно сделать несколько парадоксальный вывод, что более компетентным в межкультурном общении будет человек, который сам себя считает недостаточно компетентным в силу осознания отличий собственной культуры от других. Чувствительность к различиям настолько важна, что в некоторых концепциях межкультурная сензитивность рассматривается как отдельный конструкт, заменяя собой межкультурную компетентность. Такова, например, достаточно известная в нашей стране теория Милтона Беннетта [Bennett, 1986]. Однако всё же более целесообразным предполагается рассмотрение межкультурной сензитивности как одного из важнейших факторов общей компетентности во взаимодействии с представителями других культур. Таких взглядов придерживаются американские исследователи Г. Чен и В. Староста, которые используют метафору «зонта»: межкультурная компетентность, по их мнению, объединяет межкультурную сензитивность, осведомленность и навыки взаимодействия с представителями конкретных культур [Chen, Starosta, 2001].

Рассматривая межкультурную сензитивность как фактор общекультурной компетентности, представляется важным исследовать вопрос соотношения общекультурной и культурно-специфической компетентности и успешности межкультурного общения. Цель проводимого нами в настоящее время исследования – выявление связи между уровнем общекультурной компетентности и культурно-специфической компетентности и уровнем адаптированности в инокультурной среде. Отслеживание этих корреляций позволило бы понять, насколько способны к эффективному межкультурному общению люди, в разной степени обладающие общекультурной компетентностью, но поставленные в условия необходимости постоянного общения с представителями другой культуры, например, иностранные студенты в России. Поэтому в качестве выборки к исследованию привлекаются китайские студенты московских ВУЗов.

Предполагается, что данное исследование поможет сделать вывод о наиболее эффективных методах подготовки к межкультурному общению и развития межкультурной компетентности.

Литература

1. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. Учебное пособие для студентов психологических специальностей. М.: Привет, 2004.
2. Bennett M. J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10.
3. Chen G., Starosta W. The Development and Validation of the Intercultural Communication Sensitivity Scale // Human Communication, 3, 1-15. 2001.

4. Koester J., Wiseman R.L., Sanders J.A. Multiple Perspectives of Intercultural Communication Competence.// Koester J., Wiseman R.L. (Eds.) Intercultural Communication Competence. Newbury Park (CA): SAGE , 1993.

Специфика формирования гендерных стереотипов славянского этноса

Григоренко Юлия Валериевна¹

студентка

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Черкассы, Украина

E-mail: cherkassy_rps@mail.ru

Анализируя историю славянского этноса предоставляется возможным увидеть эволюцию взаимоотношений мужчин и женщин, развитие культуры межполовых отношений и зарождение межполовых установок и стереотипов. Проникая через абсолютно все сферы существования этноса, стереотипы феминности/маскулинности являются стойким комплексом представлений, которые вмещают в себя культурные идеалы как мужчин, так и женщин. Они оказывают влияние на формирование половой идентичности индивида, что само собой предусматривает усвоение и исполнение им адекватной гендерной роли, а также полноценное включение в исторически сформировавшуюся систему половой дифференциации.

Существующие на сегодняшний день ролевые установки являются продуктом длительного культурно-исторического развития человечества. Они содержат временные наслоения и элементы разных культур и эпох. Чтобы понять их природу нужно обратиться к первобытным истокам украинского и русского народов – славянской культуре.

Древнеславянское язычество не отличалось ни особым целомудрием, ни особой вольностью нравов, считая сексуальность, как и многие другие народы, космическим началом. Растянувшийся на несколько столетий процесс христианизации Руси, в который всё время включались новые народы и народности, был во многом поверхностным (Кон И., 1997). Поэтому в народных верованиях и обычаях христианские нормы не только соседствовали с языческими, но зачастую перекрывались ими. У славян существовали многочисленные обряды и праздники когда мужчины и женщины сообща купались голыми. Мужчины символически оплодотворяли землю, к примеру, сеяли лён без штанов, а женщины, подняв подола, демонстрировали небу свои гениталии, тем самым вызывая дождь. В некоторых районах Украины еще в XIX веке вместо ритуального совокупления на полях в период посевной существовал обычай перекачивания парами по засеянному полю и т.д.

В дохристианских украинских племенах (например, у древлян, северян и др.) существовал обычай «хватания» женщины во время празднеств или народных гуляний. Также её покупали или похищали, но все эти действия происходили обычно по предварительной договорённости и обоюдному согласию мужчины и женщины. В те времена это являлось всего лишь обрядом, который остался в наших традициях до сих пор, как атрибут свадебного ритуала (Грушевский М., 1913). В такой форме взаимоотношений прослеживается архаическая пассивная сущность природы женщины. Мужчина же, наоборот, брал на себя активную сторону действия и занимал доминирующую позицию силы, свойственную патриархально организованной модели общества. Это свидетельствует об андроцентричном способе мышления общества того

¹ Автор выражает признательность доценту, кандидату психол. наук Аврамченко С.М. за помощь в подготовке тезисов.

времени, который настолько глубоко проник в сознание человечества, что женщины современного мира до сих пор чувствуют на себе его влияние.

С введением христианства в конце X века церковная доктрина закрепила иерархию отношений между полами с характерным мужским доминированием. Отношение к женщине приобрело черты мезогинии, в связи с идентификацией её с пра-женщиной Евой, которая, искусив Адама, повлекла грехопадение. В связи с этим, церковь сочла за необходимость изложить ряд требований к женской моральности и сексуальности, ведь источником женской греховности становится именно её тело. Оно представлялось воплощением зла и соблазна, поэтому его нужно было стыдиться и скрывать самой женщине. Единственное, чем оправдывала православная церковь, предназначение женщины – это способность рожать. Супружеская верность переросла в главную женскую добродетель. Муж признавался прелюбодеем только в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от неё, тогда как жене ставилась в вину любая внебрачная связь. Образ целомудренной и верной супруги занимает важное место в древнерусской литературе как и описание унижительных обычаев «вскрытия» невесты (Кон И., 1997).

Общество санкционировало мужские притязания к девушке, которые являлись своеобразными испытаниями девичьей нравственности. Уступчивость девушки строго осуждалась, а аналогичные требования к парням не выдвигались. В этом мы рассматриваем попытки подавить женскую сексуальность с целью обеспечения нормального функционирования патриархальной модели общества. Здесь же прослеживается и формирование культурного стереотипа идеала женщины, в основе которого – абсолютизация повиновения.

В соответствии с христианской доктриной особенно ценными признаются такие черты как жертвенность, терпение, послушность, покорность, целомудрие, которые культивировались в женщинах. Такие черты, по мнению многих исследователей, закрепились потому, что соответствовали запросам и потребностям патриархального общества, как идеологическое оформление подчиненного статуса женщины. Брак и материнство определялись для женщины как основополагающие ценности, цель жизни и наивысшее вознаграждение за соблюдение желаемых моделей поведения.

На сегодняшний день, к примеру, украинский стереотип феминности представляет собой образ Берегини, который несет в себе элементы культа Великой Матери периода вероятного матриархата, христианского Мариинского культа и образа Родины-Матери. Эти реанимированные мифы представляются как актуальные основополагающие женской сути украинки. Но образ Берегини основан в первую очередь на культе материнства и никоим образом не на идее Женщины как полноценного и полноправного человеческого существа. Этот явно завышенный статус призван компенсировать в сознании реальность женского бесправия, и, одновременно, в который раз набросить женщине патриархальную модель ее единственной общественной миссии – материнство (Кись О., 2002).

Таким образом, можно сделать общие выводы о наличии в славянской культуре таких гендерных установок и стереотипов, которые оказывают определенное влияние на межполовые отношения и нуждаются в дополнительном исследовании.

Литература

1. Кись О. Етнічні гендерні стереотипи та джерела їх конструювання // Український жіночий рух: здобутки і проблеми: Зб. наук. праць. Вип.перший. – Дрогобич: Коло, 2002. – С.26-43.
2. Грушевський М. Ілюстрована історія України. – Київ-Львів, 1913.
3. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И, 1997.

4. Кон И.С. Введение в сексологию. Учебное пособие для вузов. М.: Олимп и ИНФРА-М, 1999.
5. Ричка В. Шлюб і подружнє життя у Київській Русі // Історія України. – 1997. – лист (№44).
6. Майерс Д. Социальная психология. – СПб. Питер, 1996.

Национальный характер русского человека в трех личностных проекциях.

Зорина Юлия Николаевна

студентка

*Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Дубна,
Московская область, Россия*

E-mail: y_zorina@bk.ru

Проведено исследование¹ по оценке трех личностных профилей («проекций национального характера»): автостереотипа русского человека, усредненного самоописания респондентов и их представления об идеальном русском. Использовалась самоотчетная методика – «Опросник национального характера» (NCS), который в своей основе имеет 30 субшкал модели «Большая пятерка» и дополнен 4 субшкалами: противоречивость, самопожертвование, максимализм и покорность судьбе, предложенными эстонскими психологами для более полного описания особенностей характера русских людей. Задача испытуемых заключалась в оценке по пятибалльной шкале степени выраженности предлагаемых характеристик (30 субшкал Большой пятерки и 4-х дополнительных субшкал) у трех «объектов»: у типичного русского человека, у себя лично и у «идеального русского». Анализировались взаимосвязи этих трех проекций с точки зрения проверки двух гипотез. Первая гипотеза, состоявшая в предположении о существовании значимых различий между тремя сравниваемыми проекциями русского национального характера, подтверждена с помощью статистического анализа (критерий Стьюдента). При подсчете корреляций между стереотипом и самописанием (по пяти факторам Большой Пятерки) 3 из них оказались значимыми: $r(N) = 0,22$ ($p < 0,05$); $r(E) = 0,38$ ($p < 0,001$); $r(C) = 0,32$ ($p < 0,01$). Этот результат позволяет усомниться в категорической правоте вывода, установленного в обширном кросс-культурном исследовании (Terracciano A., Matsumoto D., McCrae R.R. и др., 2005) о том, что представления о национальном характере являются далекими от реальности стереотипами.

Кроме того, на основе предварительного анализа полученных данных была выдвинута гипотеза о промежуточном положении самоописания по отношению к этностереотипу и идеалу. Действительно, респонденты себя ставят примерно в середину между образом «идеального русского» и стереотипного представления о русском, у которого они, таким образом, видят больше недостатков, чем у себя.

Проводилось также сравнение оценок автостереотипа и самоописаний респондентов, полученных в данном исследовании, с аналогичными оценками, полученными на русских, проживающих в Эстонии (Ostasov N., 2003). Результаты анализа подтверждают, что профили самоописаний оказались ближе друг к другу, чем профили автостереотипов. Любопытный факт состоял в том, что стереотип русской личности в эстонском исследовании оказался ближе к «идеальному русскому» (с точки зрения российских респондентов), но в то же время самоописания эстонских респондентов находятся дальше от «идеального русского», чем самоописания российских респондентов.

¹ Исследование проводилось под научным руководством д. психол. наук Б.Г. Мещерякова

Представляет особый интерес тот факт, что по открытости российские респонденты не только превышают открытость эстонских респондентов, но оказываются выше даже по сравнению с идеальным русским. Этот факт интересен тем, что в более раннем опросе (Мещеряков Б.Г., Пелевин С.Ю.), проводившемся на студентах университета «Дубна», и результаты которого сравнивались с более чем 45 выборками из разных стран, именно российские респонденты оказались лидерами по открытости (Terracciano A., Matsumoto D., McCrae R.R. и др., 2005).

Иерархия ценностей и представления русскоязычных мигрантов о ценностях русской и финской культуры на различных этапах миграционного цикла

Кинунен Тамара Александровна

аспирантка

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kinunen@yandex.ru

Введение. На протяжении последних десятилетий проблема миграции является одной из актуальных тем исследований в различных областях знаний. Это обусловлено процессами глобализации, вспышками этнических конфликтов и гражданских войн, ростом мобильности современной молодежи.

Предметом психологических исследований аккультурации мигрантов становятся стратегии аккультурации (Berry, 1997; Liebkind & Jasinskaja-Lahti, 2000), этническая идентичность (Phinney & Devich-Navarro, 1997) и др. Однако аккультурация включает не только изменяющееся поведение и установки, но и ценности, которые также изменяются при контакте двух культур (Phinney et al. 2001).

Теория ценностных различий объясняет возникновение культурного шока столкновением разных систем ценностей: степень различий в ценностях между страной выхода и страной поселения мигрантов прямо пропорциональна количеству трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации (Furnham & Bochner, 1986). Для адаптации мигранта важны не столько объективные различия в ценностях двух культур, сколько восприятие мигрантом этих различий (представления о ценностях культуры страны выхода и приема), а также степень сходства собственных ценностей с ценностями двух культур.

Исследование. В 2006-2007 г.г. было опрошено 305 мигрантов (направление миграции – Финляндия), находящихся на различных этапах *миграционного цикла*: 130 потенциальных мигрантов (99 женщин и 31 мужчина в возрасте от 16 до 73 лет, средний возраст 38,8 лет), 104 иммигранта (64 женщины и 40 мужчин в возрасте от 21 до 70 лет, средний возраст 41,9 лет) и 71 реэмигрант (56 женщин и 15 мужчин в возрасте от 16 до 73 лет, средний возраст 39,6 лет).

Целью исследования было сравнение иерархии ценностей мигрантов и их представлений о ценностях русской и финской культуры на различных этапах миграционного цикла.

Использовалась модифицированная методика «Изучение ценностей» Ш.Шварца: респондентам предлагалось оценить степень значимости каждой ценности (всего – 24) для себя лично, а также для типичного представителя русской культуры и типичного представителя финской культуры.

На основании полученных результатов были сделаны следующие выводы: потенциальными эмигрантами осуществляется психологическая подготовка к эмиграции, которая заключается в «сближении» образов типичного финна и типичного русского, существуют представления о незначительности различий в иерархии собственных ценностей и ценностей финской культуры. Иммигранты, оказавшись в

реальной ситуации контакта с финнами, напротив, видят больше различий в иерархии ценностей типичного финна и типичного русского, их собственные ценности более схожи с ценностями русской культуры. Реэмигранты занимают маргинальную позицию: их иерархия ценностей мало совпадает с представлениями о ценностях и финской, и русской культуры, что, по-видимому, объясняется негативным опытом иммиграции и стрессом ре-аккультурации.

Литература

1. Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1), 5-34.
2. Furnham, A., and Bochner, S. (1986). *Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. London: Methuen.
3. Liebkind, K., & Jasinskaja-Lahti, I. (2000). The influence of experiences of discrimination on psychological stress: A comparison of seven immigrant groups. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 10(1), 1-16.
4. Phinney, J. S., & Devich-Navarro, M. (1997). Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 7(1), 3-32.
5. Phinney, J., Horenczyk, G., Liebkind, K., & Vedder, P. (2001) Ethnic identity, immigration, and well-being: An interactional perspective. *Journal of Social Issues*, 57, 493-510.

Социально-психологические аспекты образовательной миграции

Колодкина Юлия Михайловна

студентка

Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород, Россия

E-mail: KPS_nimb@mail.ru

Люди пересекают границы между государствами с различными целями. Одной из таких целей является получение образования. Ежегодно только в Нижегородской области проходят обучение в ВУЗах свыше 500 иностранных студентов, более 1500 нижегородских школьников и студентов выезжают зарубеж на учебные стажировки¹.

Цель исследования: изучение субъективных характеристик опыта образовательной миграции. В качестве основной *методики* было использовано слабоструктурированное интервью, содержащее вопросы, относящиеся к различным сторонам адаптации мигрантов. *Выборка:* 26 студентов ВУЗов Н. Новгорода из стран СНГ.

Гипотезы:

1. Студенты-мигранты с Кавказа и из стран Средней Азии ощущают по отношению к себе более сильные ксенофобские настроения со стороны местных жителей, чем студенты-мигранты с Украины;
2. Культурный шок наиболее сильно выражен у мигрантов с Кавказа, слабее – у мигрантов из стран Средней Азии и совсем не выражен у мигрантов с Украины;
3. Большая часть мигрантов с Кавказа придерживаются своей культуры, в отличие от мигрантов из Средней Азии и Украины, которые придерживаются своей культуры, при этом усваивая новую;
4. Большинство мигрантов планируют после окончания университета остаться жить в России.

¹ Данные департамента международных связей администрации Нижегородской области за 2003 год

Результаты исследования:

Выбор России и Н.Новгорода обусловлен наличием здесь родственников или друзей семьи студента-мигранта; выбор образования и профессии обусловлен наличием у студентов-мигрантов определенных интересов, склонностей, а также престижностью российского образования;

Большинство студентов-мигрантов говорят о наличии у них шока от поведения молодежи и подростков в России; довольно большое количество мигрантов считают, что у них не было «культурного шока», говоря, что различия между культурами незначительные;

Наиболее часто мигрантами указывались следующие трансформации в процессе межкультурного контакта: изменение мнения о городе и людях; реже - собственные личностные изменения;

Наиболее часто отмечают следующие трудности: расизм; бытовые; незнание русского языка; психологические трудности;

Большинство студентов-мигрантов называют в качестве ресурсов: помощь и поддержку семьи, близких родственников и друзей; качества личности самих студентов;

Первые итоги: 1/2 выборки студентов-мигрантов не спешат подводить итоги; чуть меньшее количество студентов выделяет как итог поступление в университет и обучение в нем; некоторые студенты называют в качестве итогов адаптацию к новой культуре;

Большинство студентов-мигрантов сохраняют свою культуру и традиции; некоторые студенты перенимают русскую культуру, сохраняя при этом свою;

Многие мигранты после окончания университета хотят остаться жить в России; большое количество студентов планируют вернуться домой после окончания университета, и только если не получится остаться на Родине, жить в России;

Студенты-мигранты для оптимизации межкультурных контактов высказывают пожелания: организовывать для иностранцев экскурсии по городу, курсы по изучению русского языка, межкультурные мероприятия; не поддаваться этническим стереотипам, быть дружелюбными к людям других национальностей, воспринимать людей других национальностей как равных, избегать жестокости и агрессивности, ужесточить меры по предотвращению движений скинхедов, следить за СМИ.

Выводы:

- Выбор Нижнего Новгорода в качестве города для обучения определяется главным образом социальными сетями студентов-мигрантов: они выбирают для обучения город, где есть родственники или знакомые. Рейтинг вузов имеет меньшее значение, однако и не отрицается;
- После поступления большинство студентов из СНГ (Беларусь, Украина) не ощутили «культурного дискомфорта», однако студенты из традиционных культур (например, из Армении, Азербайджана) считают, что пережили «культурный шок»;
- Студенты-мигранты переживают обычные трудности визитеров (материальные, психологические, языковые и т. п.), наиболее опасными являются проблемы столкновения с экстремистами из числа молодежи;
- Студенты-мигранты с Кавказа и из стран Средней Азии ощущают по отношению к себе более сильные ксенофобские настроения со стороны местных жителей, чем студенты-мигранты с Украины;
- Большинство мигрантов называют в качестве ресурсов, способствующих наиболее эффективной адаптации: помощь и поддержку семьи, близких родственников и друзей, а также качества собственной личности;
- Мигранты с Кавказа придерживаются своей культуры, в то время как мигранты из Средней Азии и Украины, придерживаясь своей культуры, при этом усваивают новую;

- Несмотря на ксенофобию, с которой приходится сталкиваться в РФ, после окончания университета желание остаться жить в России высказывают многие студенты из СНГ, причиной тому является наличие больших возможностей для профессионального развития и экономического процветания;
- Данные, полученные в ходе исследования, могут послужить основой разработки программ мероприятий, направленных на эффективную социально-психологическую адаптацию образовательных мигрантов.

Особенности восприятия эмоционального состояния собеседника в разных культурах

Кутковой Николай Алексеевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: czarvsejarusi@list.ru

Универсальность эмоциональных состояний человека была доказана во многих исследованиях (работы С. Томкинса, П. Экмана и К. Изарда – по: Мацумото, 2003), однако существуют определённые культурные различия в проявлении и оценке этих состояний (исследования П. Экмана и В. Фризена и др. – там же). Прежде всего, это происходит за счёт того, что культура нормирует эти процессы – поскольку культура суть некоторая совокупность норм и ценностей. В исследованиях Г.Хофстеде (по: Дж.Берри и др., 2007; Стефаненко Т.Г., 2007) было показано, что любую культуру можно описать по 4 параметрам: индивидуализм-коллективизм, дистанция от власти, толерантность к неопределённости, маскулинность-феминность, и, следовательно, представить как область на четырёхмерном пространстве. При общении представителей двух разных культур возникает проблема социальной перцепции эмоциональных состояний одного индивида другим и наоборот. Иными словами, исследовательский интерес представляет вопрос о том, насколько точно представитель одной культуры воспринимает эмоциональные состояния представителя другой культуры в процессе общения. Мы предполагаем, что на процесс межличностного восприятия эмоциональных состояний у представителей двух различных культур будет также оказывать влияние уровень эмоционального интеллекта собеседников. Тем самым интересным представляется вопрос о том, что в большей степени обуславливает восприятие эмоциональных состояний – параметры культуры или эмоциональный интеллект.

Можно выделить следующие процессы, сопровождающие восприятие эмоциональных состояний собеседника в случае принадлежности его к другой культуре: категоризация по дихотомии свой/чужой, т.е. определение, принадлежит ли собеседник к той же культуре или он представитель другой культуры; в результате которой могут проявиться эффекты установки и ореола; взаимодействие когнитивной и эмоциональной сфер личности, проявляющееся в: 1) ожидании и предугадывании эмоциональной реакции собеседника; 2) построении своего поведения таким образом, чтобы произошла ожидаемая и предугадываемая реакция; 3) получении/восприятии эмоционально окрашенной обратной связи от собеседника; 4) перестроении поведения/установок/когниций на её основе.

Однако можно предполагать и совершенно противоположную ситуацию, когда на восприятие эмоциональных состояний влияет исключительно категоризация по дихотомии свой/чужой, а именно - на восприятие эмоций будет влиять реальная или воображаемая принадлежность собеседника к какой-нибудь группе, к которой принадлежит и «воспринимающий субъект». (Например, если собеседник к референтной группе воспринимающего субъекта, то этот собеседник будет категоризоваться как свой,

и, соответственно, это повысит точность восприятия его эмоций.) В таком случае можно сказать, что процесс категоризации, при этом по самому общему, «грубому», основанию происходящий при восприятии эмоциональных состояний собеседника приобретает определяющую роль. В этом случае остальные факторы (конкретная культура, к которой принадлежит собеседник, а также уровень эмоционального интеллекта воспринимающего) имеют по отношению к вышеобозначенной категоризации вторичное значение.

Гипотезы исследования

На степень точности восприятия эмоционального состояния собеседника влияет принадлежность его к категории «своих» или «чужих», и первоначально восприятие направлено на категоризацию собеседника.

Не существует прямой зависимости между степенью точности восприятия эмоций собеседника и «дистанцией» между культурами, определяемой по 4 параметрам (индивидуализм/коллективизм, дистанция от власти, устойчивость к неопределенности, маскулинность/феминность).

Эмпирические показатели принадлежит

Измерение параметров культуры – измерение индивидуализма-коллективизма; дистанции от власти; отношения к неопределённости; феминности-маскулинности, что будет являться координатами культуры в 4-х-мерном психологическом пространстве.

Измерение параметров эмоционального интеллекта – понимание своих эмоций, понимание эмоций Другого.

Измерение собственно процессов восприятия – степень точности восприятия эмоционального состояния как некоторой количественной характеристики.

Планируемая процедура исследования

Выборка – студенты московских вузов, девушки и юноши в равном соотношении. Измеряются параметры культуры и уровень эмоционального интеллекта (методики Г.Хофстеде, Г.Триандиса, С.Бэм, Д.Люсина). Формируются подвыборки респондентов: 1)с высокими показателями эмоционального интеллекта; 2)с низкими показателями эмоционального интеллекта; 3)сообразно тем или иным параметрам культуры.

На основе атласов эмоциональной экспрессии (FACES) испытуемым в индивидуальном порядке предъявляются фотографии представителей «других культур», переживающих сильные эмоции, при этом половине испытуемых предъявляются фотографии в ситуации, которая задаёт, что воспринимаемый представитель «другой культуры» «свой» (является студентом того же факультета), а половине – в ситуации, которая задаёт, что он «чужой» (является максимально «далеким» по своей профессиональной деятельности).

Испытуемые отвечают на ряд вопросов, касающихся изображенных на фотографиях людей (определяют эмоциональное состояние, его возможные причины и следствия и пр.).

Сравнивается точность ответов в ситуации, когда изображён «свой», и в ситуации, когда изображён «чужой».

Подсчитываются корреляции между характером культуры и точностью восприятия, а также уровнем эмоционального интеллекта и точностью восприятия.

Литература

1. Берри Д.В., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследование и применение. Харьков, 2007
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб, 2006
3. Мацумото Д. Психология и культура. СПб, 2003
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2007
5. A.M. Kring, D.M. Sloan The facial expression coding system (FACES): development, validation and utility. Psychological Assessment, 2007, vol. 19, No. 2, p.210-224

Шкала межнациональной толерантности: опыт исследования и возможности применения

Малафеева Елена Витальевна

аспирантка

Центр социологии образования РАО, Москва, Россия

E-mail: lenok_n@mail.ru

Проблема межнациональной толерантности на сегодняшний день, пожалуй, одна из самых острых, что обусловлено сохраняющейся социальной напряженностью в современном российском обществе, продолжающимися межэтническими конфликтами, попытками использования этих конфликтов для политических целей, ростом национального экстремизма.

Представленные материалы основаны на результатах исследования, полученных в ходе опроса учащихся общеобразовательных школ, ПТУ и студентов вузов в четырех регионах: Москва, Московская область (г. Истра), Томск, Ставрополь. Общее число опрошенных – 758 человек. Этот опрос был проведен сотрудниками Центра социологии образования РАО в 2006 году.

В ходе наших предыдущих социологических исследований [1,2,7] была разработана шкала по измерению толерантных/интолерантных установок в сфере межнациональных отношений. В шкалу межнациональной толерантности (далее шкала МНТ) были включены конкретные вопросы, отобранные в результате специально проведенного факторного анализа ответов респондентов (1429 учащихся) на широкий круг вопросов, которые касаются сферы межнациональных отношений. Сами вопросы были сориентированы относительно различных содержательных контекстов: фиксация особенностей эмоционального отношения к собственной национальной идентичности, характеристика социальной дистанции к представителям других национальностей (барьеры), проявление толерантных/интолерантных установок на идеологическом уровне (армия, образование, культурные традиции), отношение к межнациональным конфликтам, эмоциональное приятие/неприятие представителей других национальностей. Для каждого респондента или группы респондентов можно посчитать индекс толерантности/интолерантности по формуле, которая суммирует разные варианты ответов.

Подчеркнем, что шкала МНТ подтвердила свою содержательную валидность на примере сопоставления ответов подростков-представителей различных неформальных групп (скинхедов, футбольных фанатов и толкиенистов) [3,4,5], а также на примере корреляционного анализа шкалы МНТ с личностными характеристиками (тест Басса-Дарки) [6].

Обозначим некоторые возможности применения шкалы межнациональной толерантности.

Специальный интерес представляет возможность применения шкалы МНТ для фиксации особенностей проявления толерантных/интолерантных установок в различных регионах и среди разных групп учащейся молодежи. Рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, полученные результаты.

Результаты показывают, что студенты в целом склонны к более толерантным установкам в сфере межнациональных отношений по сравнению с учащимися общеобразовательных школ. Однако региональные особенности также имеют принципиальное значение. Если в Москве и Томске школьники (мальчики и девочки) склонны к проявлению толерантных установок в сфере межнациональных отношений, то в Ставрополе и Московской области картина противоположна, в этих регионах доминируют интолерантные позиции. Однако в Ставрополе и Московской области

девочки-старшеклассницы в целом занимают скорее нейтральную позицию относительно проявления толерантных установок в сфере межнациональных отношений.

Ситуация со студентами схожая: юноши-студенты Ставрополя в отличие от студентов Москвы и Томска склонны к проявлению интолерантных установок в сфере межнациональных отношений. Добавим, что наиболее склонны к проявлению толерантных установок девушки-студентки города Томска (так же, как и школьницы этого города).

Также мы обратили внимание на выраженность толерантных установок среди представителей коренного населения и мигрантов. В ходе опроса респондентам задавался специальный вопрос, направленный на выявление продолжительности их проживания в данном регионе, что позволило выявить среди них следующие три группы: те, кто родился в данном регионе (коренные жители); те, кто приехал в данный регион и проживает в нем менее двух лет (недавние мигранты); те, кто приехал в данный регион и проживает в нем более двух лет.

В целом полученные данные показывают, что коренные жители проявляют меньшую толерантность в сфере межнациональных отношений по сравнению с мигрантами. Причем, чем больше длительность проживания в регионе, тем меньшая толерантность проявляется.

Важно подчеркнуть, что выраженность толерантных установок среди коренного населения и самих мигрантов также заметно отличается в различных регионах.

Также в рамках данного исследования мы изучили возможности применения шкалы МНТ при проведении эмпирических исследований по выявлению содержательных особенностей межнациональных отношений. Для этого мы сравнили особенности отношения к представителям различных национальностей (русские, татары, евреи, чеченцы, удмурты, мордовцы, калмыки, украинцы, армяне, грузины, латыши, азербайджанцы, молдаване, таджики) у респондентов с разным уровнем толерантности [6].

Литература

1. Возрастные особенности формирования толерантности. Труды по социологии образования. Т. VIII. Вып. XIV / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2003. 208 с.
2. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования. Т. VIII. Вып. XIII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2003. 391 с.
3. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Измерение толерантных установок в сфере межнациональных отношений // Вестник практической психологии образования, № 2 (7) 2006г. – 26-35с, № 3 (8) 2006г. – 48-60с.
4. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Измерение толерантных установок в сфере межнациональных отношений (продолжение) // Вестник практической психологии образования, № 3 (8) 2006г. – 48-60с.
5. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Методическое руководство для проведения мониторинговых социологических исследований проявления толерантности в подростковой среде // Социология образования: Беседы, технологии, методы. Труды по социологии образования. Т. XI Вып. XVIII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2006. 105-222 с.
6. Собкин В.С., Николашина Е.В., Адамчук Д.В. Опыт использования «шкалы межнациональной толерантности» в социально-психологических исследованиях // Вестник практической психологии образования, № 2(11) 2007г. – 14-21с.

7. Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. 224 с.

Толерантные и интолерантные формы поведения выпускников средних школ

Малышева Дарья Анатольевна

студентка

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: rubtsovaluba@mail.ru

Введение

В последние десятилетия тема толерантности стала одной из актуальных и широко востребованных во всем мире. Она обсуждается на различных уровнях, в разных аспектах, включает пласт разных проблем, связанных с отношениями между людьми.

При попытке дать научное определение толерантности возникают некоторые трудности, так как данное понятие используется в самых разных областях знания: этике, психологии, педагогике, политике, теологии, философии, медицине и т.д. Толерантность, по мнению А.Г. Асмолова, состоит из трех частей: *толерантность = понимание + принятие + признание*. Это значит, что надо понимать другого человека, его особенности, индивидуальные качества, принимать его таким, какой он есть, и признавать его ценность.

Люди зачастую бывают нетолерантными потому, что не знают, как воспринимать культурные различия, а, не зная этого, склонны рассматривать отличие, инаковость как некую угрозу и ведут себя агрессивно. Необходимо уметь видеть и понимать, что разнообразие людей делает жизнь интересной, нескучной. Эти вопросы составляют стержень государственной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Анализ разных слоев толерантного сознания приближает к пониманию нашей страны и самих себя в этой стране. Психология 21 века ищет пути конструирования социальных норм толерантности, позволяющих людям разных взглядов, культур, конфессий, этносов и социальных слоев жить сообща в этом противоречивом мире.

В чем же видят исследователи данной проблемы причины нетерпимости?

- в неумении аргументировать свою точку зрения;
- в неумении отстаивать свою позицию мирным путем;
- в незнании многих культур, порождающем страх, боязнь, опасение, агрессивность, дискомфорт;
- в наличии усвоенных от друзей, взрослых, из средств массовой информации негативных стереотипов;
- в отсутствии умения контролировать свои эмоции.

В действительности стереотипы очень сильно влияют на формирование интолерантного поведения, предубеждений, расизма, дискриминации, конфликтов. Количество стереотипов чрезвычайно велико. Стереотип опасен тем, что зачастую он исключает альтернативный взгляд, альтернативную точку зрения, разнообразие внутри самой культурной группы и ведет к предвзятому мнению, предубеждениям, физическому и психологическому давлению, насилию. Люди очень часто принимают различные решения, основываясь на стереотипах, как положительных, так и отрицательных. Зачастую люди стереотипируют какую-нибудь культурную группу на примере одного ее представителя, в результате чего делают неверные заключения обо всей группе.

Все выше перечисленное обуславливает актуальность и практическую значимость исследования.

В ходе исследования выпускников школы № 41 г. Тольятти мы применяли следующие методы.

- Наблюдение за проявлениями толерантного и интолерантного поведения учащихся в учебном и внеучебном процессе.
- Методика изучения толерантных и интолерантных форм поведения (по кн. Бетти Э. Риэрдон «Толерантность – дорога к миру»).
- Опросник изучения сформированности уровня толерантности у школьников (опросник В.С. Магуна).
- Шкала Богардуса для измерения социального расстояния.
- Методика выявления этнических стереотипов (метод приписывания качеств Д. Кац, К.У. Брейли).

Результаты

Результаты исследования по выявлению форм интолерантности (новозеландская модель) подтверждают, что случаи интолерантности у старшеклассников носят, в основном, словесную форму: обзывания (74%); перебивания, неумение слушать и слышать (72%); осуждения, критика (71%); обвинения, упреки (73%); игнорирование (30%); отсутствие эмпатии (44%).

Среди толерантных форм поведения у старшеклассников преобладает: поддержка (77%); стремление разобраться (72%); совет, предложение (71%); утешение (70%); подбадривание (69%); похвала (66%); уважение (64%); сочувствие (61%).

Рост положительных форм в сравнении с ранними исследованиями примерно 14-19%. Эти результаты дают возможность судить о том, что толерантные формы поведения становятся нормой человеческих отношений.

Исследования по вопросу толерантности и интолерантности личности показал:

- высокий уровень толерантности личности у 11% выпускников. Это значит, что эти ребята признают другие культуры, право людей на другой образ жизни. Способность находить в другой культуре что-то полезное и ценное для себя самого.
- невысокий уровень толерантности отмечается у 69% учащихся, это означает признание многообразия культур, уважение к разнообразным социокультурным группам, но при этом эта группа ребят разделяет и некоторые культурные предрассудки, Отсюда неумение взглянуть на мир с их точки зрения.
- невысокий уровень интолерантности у 20%, когда человек на своих словах признает права других на культурные отличия, но при этом испытывает личное неприятие отдельных социокультурных групп, ссылаясь на общественное мнение. *Учащиеся выражают согласие с такими стереотипами:* истоки современного терроризма следует искать в исламской культуре. А также существуют нации и народы, которые не заслужили того, чтобы к ним хорошо относились. Цивилизованные страны (например, Россия) не должны помогать народам Африки – пусть сами решают свои проблемы. И еще несправедливо ставить людей с темным цветом кожи руководителями над белыми людьми; внешний вид представителей небелой расы является хотя бы в чем-то, но отклонением от нормы. Хотя процент согласия с такими стереотипами небольшой (7-9 %), но сам факт его существования, по нашему мнению, требует внимания.

Литература

1. Бетти Э., Толерантность- дорога к миру.- М.: Изд. «Бонфи», 2001
2. Воспитание толерантности у школьников: Учебно-методическое пособие- Ярославль: Академия развития: Академия Холдинг: 2003.
3. Григорьева Т.Г., Основы конструктивного общения. Хрестоматия. Москва, 1997

4. Клепцова Е.Ю., Психология и педагогика толерантности
5. Немов С.Р., Психология. Пособие для учащихся: 10-11 кл. – М.: Просвещение, 1995
6. Петровский А.В., Краткий психологический словарь – Ростов н/Д: «Феникс», 1999
7. Солдатова Г.У., Жить в мире с собой и другими. Тренинг толерантности для подростков. М., 2001.

Специфика взаимодействия супругов в русско-татарских семьях

Матвеева Дарья Юрьевна

студентка

Институт экономики, управления и права, Казань, Россия

E-mail: dawamatveeva@mail.ru

Введение

В современной России межнациональные браки являются достаточно распространенным явлением, поскольку на территории нашей страны проживает более 170 народов. Межличностное общение в национально-смешанной семье ставит перед супругами ряд дополнительных сложных проблем, которые они часто не в силах решить без квалифицированной помощи специалистов-психологов и психологической поддержки социального окружения. Следовательно, оказание своевременной психологической помощи супругам, особенно в разнонациональных семьях, — чрезвычайно важная и неотложная задача.

Каждый, кто интересуется национальной спецификой семейных отношений, знает, что эти отношения значительно отличаются от тех, которые присутствуют в семьях, где супруги являются представителями одной национальности. Их необходимо предварительно очень хорошо изучить, осмыслить, а затем и учитывать, что бы добиться приемлемого эффективного взаимодействия.

Теоретический анализ психологических исследований показывает, что нарушения взаимоотношений супругов в разнонациональных семьях могут возникать не только в результате противоречивого характера потребностей супругов, сформировавшихся к моменту вступления в брак на основе их личностных особенностей и специфики социокультурной среды. Социально-психологическими причинами дестабилизации разнонациональных и однонациональных семей являются отсутствие проведения квалифицированной подготовки молодежи к семейной жизни и недостаточная психологическая помощь молодым семьям, нуждающихся в коррекции супружеских отношений.

В связи с тем, что проблема супружеских взаимоотношений в межнациональных семьях является остро актуальной и практически не изученной в современной психологической науке, нами была обозначена цель - изучить специфику взаимодействия супругов в межнациональных (русско-татарских) семьях.

Методы

Методиками, направленными на изучение супружеских отношений выступили: тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В.Столиным, Т.Л.Романовой, Г.П.Бутенко, методика «Проявление ревности и агрессивности в браке», тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях». Для определения достоверности полученных результатов было проведено корреляционное исследование, расчет достоверности был проведен с использованием t критерия Стьюдента.

В исследовании принимали участие 40 супружеских русско-татарских пар, общее количество участников 80 человек. Супружеские пары были разделены нами на две группы, в зависимости от национальности партнеров: в первой группе – жены русской национальности, а мужья татарской, во второй – жены татарской национальности, а

мужья русской. Стаж семейной жизни исследуемых пар варьирует в диапазоне от 3-х до 7-ми лет. Возраст супругов варьирует от 21 до 30 лет.

Результаты

Проведенный анализ показал, что большая часть испытуемых удовлетворена супружескими отношениями. Причем в обеих группах отмечается тенденция, проявляющаяся в большей удовлетворенности сложившимися отношениями в мужской выборке (различия являются статистически значимыми). Так, 70% мужчин татарской и русской национальности удовлетворены сложившимися супружескими отношениями они ощущают от партнера эмоциональную поддержку, доверие, уважение и стараются проявлять те же чувства по отношению к своей второй половине.

Корреляционный анализ, проведенный как в первой, так и во второй группе испытуемых показал, что чем выше удовлетворенность супружескими отношениями отмечается у одного супруга, тем выше удовлетворенность браком у другого, и наоборот, чем более неудовлетворен отношениями один, тем больше не устраивают сложившиеся отношения другого.

Также испытуемые обеих групп, продемонстрировали способность бесконфликтно решать возникающие в семейной жизни ситуации, в преобладающем количестве пар первой и второй группы отношения носят бесконфликтный характер. Наиболее бесконфликтными для большей части супружеских пар первой и второй группы, являются ситуации связанные с проблемами в отношениях с родственниками и друзьями, с вопросами, связанными с воспитанием детей, нарушением ролевых ожиданий.

Негативные реакции, чаще возникают в следующих сферах супружеских отношений: в ситуациях проявления автономии одним из супругов, при проявлении доминирования одним из супругов, в ситуации расхождения отношений к деньгам. Можно сделать предположения, что данные сферы супружеских отношений являются самыми уязвимыми в молодых русско-татарских семьях.

Мы установили, что мужчины, как татары, так и русские чаще проявляют ревность и агрессию в отношениях, чаще, чем женщины. Можно предположить, что мужчины менее уверены в себе и в своей супруге, что заставляет их проявлять ревность, даже в самых безобидных ситуациях. Анализ анкет испытуемых, позволяет сказать, что большинство испытуемых удовлетворены сложившимися отношениями, и у них не возникает желание что-либо менять. Женщины ощущают заботу и ласку со стороны мужей, мужья отмечают заинтересованность жен их делами и увлечениями.

Таким образом, решая задачи исследования, нам удалось подтвердить гипотезу: в большинстве межнациональных семьях (русско-татарских), отмечается удовлетворенность супружескими отношениями, причем, чем выше удовлетворенность супружескими отношениями у одного супруга, тем выше удовлетворенность браком у другого.

Психологическая помощь в семейных отношениях представителям различных этнических общностей имеет целью повышение социально-психологической компетентности людей в строительстве и укреплении межнациональных брачных союзов и предполагает оказание психологических и других услуг в соответствующих интересах.

Литература

1. Антонов А.И. Социологический подход к изучению взаимоотношений в семье // Психология семьи. – Самара: Издат. дом «Бахрах-М». – 2002. – 620 с.
2. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций/ В.Г. Крысько. – М.: Издательство «Экзамен», 2002. – 448 с.
3. Левкович В.П. Особенности супружеских взаимоотношений в разнорасовых семьях // Психологический журнал. 1990. №2. С.25-36.

4. Самоукина Н.В. Социально-психологические проблемы семейного кризиса в условиях современной России// Семейная психология и семейная терапия.-1998.- №1. –С.128-138.
5. Трапезникова Т.М. Психологические аспекты семейных отношений // Вестник СПбГУ. – Серия 16. – 1992. - №3. – С. 106-111.

Этнокультурные особенности вербальных и невербальных компонентов коммуникации

Митыпова Арюна Жамьяндоржиевна
аспирантка

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия
E-mail: Aryuna14@mail.ru

Одной из важнейших областей психологической науки является вопрос социальных взаимоотношений, влияющий на вербальную и невербальную коммуникацию, в том числе межэтническую. Выразительные движения неразрывно связаны с деятельностью и общением, так как экспрессивное поведение – это не просто внешнее сопровождение психических процессов, эмоций, а форма их проявления и существования, зависящая от ограничений, накладываемых культурой. Порой эти ограничения настолько жесткие, что они существенно затрудняют взаимодействие между представителями разных культур, даже при достаточной компетентности во владении вербальным кодом, языком.

Как отмечает С.Е. Ренчинова, нравственность человека буряты считали мерилем его человеческой сущности, «социализации и общественного бытия», стержнем других личностных качеств. В течение всей многовековой истории ими выработана целая система нравственного воспитания, реализуемая с первых дней жизни ребенка, а ее составной частью являются народные обычаи, обряды и традиции, возникшие и совершенствующиеся под благотворным влиянием буддийской религии (Ренчинова, 2002, с.147). Тем самым признается роль религии на этнокультурные стереотипы поведения людей. Важно где они происходили: в моно- или полиэтнической среде. Что касается идентичности или детерминированной национальной культурой психологии, то она сама может служить почвой, на которой формируются специфические черты духовного облика членов национальной общности, их поведения и образа жизни. Более того, особенности национальной идентичности обнаруживают себя именно в деятельности, поведении, поступках людей.

Кроме того, достаточно важным для обоснования этнопсихологических особенностей является ранее не затронутый фактор микросреды, в частности, семьи, анализ современного состояния которой подтверждает необходимость экспрессивной регламентации внутрисемейного взаимодействия. В современной семье нередко отвергаются нормы почтительного отношения младших к старшим, снизился уровень воспитания культуры сдержанных эмоций при общении родителей с детьми, весьма произвольной становится экспрессия супругов, не всегда адекватна эмоциональная реакция детей на оценки взрослых, являющаяся объектом изучения психологов (Н.М. Трунова).

Анализируя этнокультурные особенности бурят, необходимо отметить следующие особенности. Во-первых, в связи с буддийской культурой традиции социального поведения отражены в контроле и ярко выраженной регламентации деятельности каждого члена общества, особенно ребенка, вплоть до его морального облика. Что обусловлено актуальными стереотипами общинного поведения и мышления («коллективизм»), находящими свое отражение в родовых отношениях, в которых

признается главенство, необходимость уважения старших рода и семьи и даже в определенной степени подчинения, послушания им, независимо от возраста.

Таким образом, культуры могут отличаться, помимо прочего, и правилами «культурного поведения», свойственного той или иной этнокультуре. Иными словами, под влиянием социально–психологических факторов, среди которых можно назвать: микросреду – семью, ближайшее окружение и макросреду, коллектив, социальное окружение, важно проследить специфику психологии семейного воспитания у русских и бурят в контексте влияния этнокультурных особенностей.

Именно обычаи и традиции бурятского народа, национальные особенности народной педагогики, формировавшиеся веками под влиянием буддийской религии, транслирующей развитие сочувствия, сострадания и запрет не только на выражение, но и чувствование негативных эмоций. Такое знание, на наш взгляд, способствует взаимопониманию и продуктивному взаимодействию не только в условиях быта, семьи, но и шире – но и в межнациональном общении.

Литература

1. Балханов И.Г. Двужычие в социокультурной инновации и социализации. Культура народов Сибири: традиции и современность. / Под ред. Р.И. Пшеничниковой. – Улан-Удэ, Изд-й полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – 311с.
2. Гьяцо Тенгиз. XIV Далай-лама. Сострадание и личность. Мировое сообщество и необходимость всеобщей ответственности. – М.: Центр тибетской культуры и информации, 1992. – 43с.
3. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов – на – Дону, Феникс, 1999. – 592с.
4. Ренчинова С.Е. Народные традиции бурят в нравственном воспитании личности. Культура народов Сибири: традиции и современность. / Под ред. Пшеничниковой Р.И. – Улан-Удэ, Изд-ский полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – 311с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. - М.: Аспект Пресс, 2003.

Взаимосвязь ценностей и установок потребителей: кросс-культурный аспект.

Морозова Надежда Александровна

студентка

Государственный университет - Высшая Школа Экономики, Москва, Россия

E-mail: mona86@list.ru

Как глобальные, так и локальные компании ставят задачу выхода на новые рынки в других странах. При этом они сталкиваются со значительными культурными различиями, которые проявляются в поведенческих паттернах потребителей в каждой отдельно взятой стране. В процессе социализации члены определенного общества принимают ценности конкретной культуры для того, чтобы соответствовать требованиям важных социальных институтов. Подкрепление со стороны семьи, сверстников и личного опыта помогает ценностям закрепиться, приобрести стабильный характер и перейти в установки. Установки же проявляются в поведенческих намерениях, в том числе и потребительских, которые представляют собой некоторый тип склонности к определенному виду установочно-релевантного действия.

Существующие в настоящий момент работы по изучению установок потребителей рассматривали их относительно отдельно взятого товара или услуги и не давали возможности агрегировано говорить о товарах и услугах на определенных рынках. Для того, чтобы изучить взаимосвязь культурных ценностей и потребительских установок относительно товаров и услуг в целом, было решено несколько видоизменить модель

поведенческих намерений Фишбейна и Айзена, в которой рассматривалось отношение индивида к совершению определенного покупательского поведения как общая для всех рассмотренных товаров или услуг сумма произведений силы убеждения в том, что поведение приведет к определенному последствию и оценка самого последствия. Мы же в качестве переменных выделили оценку важности той или иной культурной ценности для индивида и намерение соответствовать определенной ценности в своем потребительском поведении.

В проведенном исследовании взяты десять универсальных для разных культур ценностей, которые были выделены Ш. Шварцем в его теории универсального содержания, структуры и иерархии ценностей. К ним относятся: власть, достижение, гедонизм, стимулирование, самонаправленность, универсализм, благожелательность, традиция, конформизм и надежность.

Было опрошено 90 респондентов из трех стран: России, Китая и Нигерии, - студентов четырех московских Вузов, примерно равное количество юношей и девушек в возрасте от 19 до 25 лет с примерно одинаковым уровнем благосостояния.

В результате проведенного исследования были выявлены определенные различия в иерархии ценностей в трех странах, а также значимые корреляции между некоторыми ценностями и установками потребителей относительно приобретения товаров и услуг.

Респонденты из Нигерии отличаются относительно опрошенных из других стран высокой оценкой ценности универсализма, конформизма, надежности и традиции. Респонденты из России относительно высоко оценили самонаправленность и стимулирование и относительно низко власть, традицию, конформизм и надежность. Респонденты из Китая отличаются относительно низкими оценками ценностей достижения, гедонизма и стимулирования.

Значимые корреляции между ценностями и потребительскими установками были найдены для самонаправленности и приобретения услуги, для универсализма и приобретения товара и услуги. Для Нигерии значимы корреляции между благожелательностью и установкой на приобретение товара и надежностью и установкой на приобретение услуги. Для Китая значимы корреляции между ценностью достижение и установкой на приобретение товара и универсализмом и установкой на приобретение услуги.

Выявленные отличия в иерархии культурных ценностей в трех странах говорят о целесообразности рассмотрения ценностей при разработке маркетинговых стратегий продвижения товаров на новых рынках. Транслируемые в рекламе ценности должны как можно лучше соотноситься с наиболее важными ценностями определенной культуры, тогда степень принятия и рекламы, и товара будет значительно выше.

Взаимосвязь между ценностями и установками потребителей является весьма сложной. Не удалось обнаружить корреляции для всех ценностей с потребительскими установками относительно товаров и услуг. Кроме того, не было выявлено связи между иерархическим местом ценности и наличием ее значимой связи с установкой. Именно поэтому при выводе товаров на новые рынки в другие страны необходимо не только анализировать иерархию ценностей, но отдельно рассматривать и взаимосвязь определенных ценностей с установками на приобретение товаров или услуг.

Знание взаимосвязи определенных ценностей и установок потребителей может помочь при сегментировании новых рынков. Определив ценности, наиболее связанные с установками, мы получаем возможность проводить далее более детальные исследования характеристик людей, для которых та или иная ценность является более важной, а при разработке стратегии продвижения ориентироваться уже на определенные группы потребителей с определенным набором ценностей.

Литература

1. Блэкуэлл Д.У., Энджел Дж.Ф., Миниард П.У. Поведение потребителей – СПб.: Питер, 1999.- 400 с.

2. Большой психологический словарь/ под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко.- Спб., 2006, 672с.
3. Голдсмит Р., Браун С., Фоксол Г. Психология потребителя в маркетинге – СПб.: Питер, 2001.-352 с.
4. Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века.// Психологический журнал.- 2000.- №3, 73-87
5. Перспективы социальной психологии: Пер. с англ./ Ред.-сост.М. Хьюстон; В. Штребе; Д.М. Стефенсон. - 2 междунар. изд. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. - 688 с.
6. Психология потребителя/ Д. Статт.-Спб.: Питер, 2003.- 446с.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов.- М.:Аспект Пресс, 2003.- 368с.
8. Узнадзе Д.Н. Психология установки. -Спб.: Питер,2001.-416 с.
9. Consumer behavior and culture: consequence for global marketing and advertising/ Mooij de, M.- London, 2004.- 344p.
10. Consumer behavior and marketing strategy/ P.Peter, J.Olson.-Chicago, 1996, 738p.
11. Shen D. Chinese Consumers' Attitudes Toward U.S.- and PRC-Made Clothing: From a Cultural Perspective// Family and Consumer Sciences Research Journal.- 2002.- № 31, 19-48
12. Duckitt J. Group Identification and Outgroup Attitudes in Four South African Ethnic Groups: A Multidimensional Approach// Personality and Social Psychology Bulletin.- 2005.- № 31, 633-646
13. Hollensen S. Global marketing: a market responsive approach.-London., 1998
14. Loudon P.L. and A.J. Della Bitta Consumer behavior.- New York., 1993, 788p.
15. Schwartz S.H. Value Consensus and Importance// Journal of Cross-Cultural Psychology.- 2000.- №4, 465-497
16. Hon T. Cultural Identity and Local Self-Government: A Study of Liu Yizheng's History of Chinese Culture// Modern China. – 2004.- №30, 506-542
17. Wells W., Prensky D. Consumer behavior.- New York, 1996
18. Mainland X. Chinese parenting styles and parent-child interaction// International Journal of Behavioral Development.- 2005.- №29, 524-531

Гендерные особенности межэтнической толерантности студентов вуза

Мугатабарова Эльмира Касимовна

студент

*Российский государственный профессионально - педагогический университет,
Екатеринбург, Россия
E-mail: pp04@mail.ru*

«Дротик, летящий к цели, конечно же, полагает, что движется по своему усмотрению и сам наметил себе цель. Однако кинула его чья-то рука... Таков и я - ...дротик, брошенный древней рукой моего народа».

Х.Ортега-и-Гассет

Необходимым условием успешности педагогической деятельности является принятие ребенка таким, какой он есть, принятие инаковости партнера по взаимодействию. Толерантный педагог, благодаря особой тактике построения своего поведения по отношению к учащимся добивается, большей результативности. Проблемы, с которыми сталкивается современное высшее образование: осложнения межэтнических отношений, расслоение населения на «богатых и бедных», нетерпимость к человеку другой веры и др. – объясняют практический интерес к исследованиям в области межэтнической толерантности.

В отечественной психологии толерантность как феномен изучается сравнительно недавно. Понимание толерантности как уважения и признания равенства, отказа от доминирования и насилия, признания многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения находит отражение в работах А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой.

Анализ и обобщение литературы позволили сделать вывод о том, что социально-психологические аспекты формирования этнической толерантности студентов изучены не в полной мере. Таким образом, можно обозначить противоречия: между возрастанием полиэтничности российских регионов, с одной стороны, и недостаточным учетом этого фактора в работе с молодежью, с другой стороны; между необходимостью в широких знаниях учащихся о самых различных аспектах межэтнического взаимодействия, с одной стороны, и отсутствием полноценной и достоверной информации с другой стороны; между потребностью в конкретных разнообразных средствах воспитания этнической толерантности студентов, с одной стороны, и их дефицитом в образовательных учреждениях, с другой стороны.

Цель нашей работы заключается в теоретическом анализе и эмпирическом изучении гендерных особенностей межэтнической толерантности студентов вуза.

Объектом исследования является межэтническая толерантность как социально – психологический феномен.

Предмет исследования: гендерные особенности межэтнической толерантности студентов.

Феномен этнотолерантности мы исследовали в группах студентов педагогического вуза. В диагностике принимали участие студенты Института лингвистики (48 человека), Института психологии (45 человек) и студенты Института педагогической юриспруденции (54 человек). Всего 147 человек, среди них мужчин – 63, женщин – 84. Средний возраст 19 лет. Диагностика проводилась с помощью комплекса взаимосвязанных и дополняющих друг друга методик исследования. А именно, для измерения символической социальной дистанции мы использовали шкалу Богардуса [З.В.Сикевич «Социологическое исследование» 1995 г.]. Также в работе была использована методика определения типа этнической идентичности и этнической аффилиации [Г.У.Солдатов «Психология межэтнической напряженности» 1998 г.].

Для анализа гендерных различий особенностей межэтнической толерантности студентов вуза был выбран U критерий Манна – Уитни. В результате сравнительного анализа были обнаружены следующие значимые различия.

Позитивная этническая идентичность сильнее выражена в женской группе, чем в мужской, т.к. средний ранг для девушек равен (40,56), а для мужчин – (30,11). Это свидетельствует о том, что трансформации этнического самосознания в условиях роста межэтнической напряженности у девушек прошла более благополучно и быстрее. Уровень значимости ($p=0,03$) свидетельствует о достоверности вывода.

Феномен этнической изоляции сильнее выражен в мужской группе ($U= 40,56$; $p=0,01$), чем в женской ($U= 30,86$). Вследствие неполной (незавершенной) этноидентичности мужчин, для некоторых членов группы характерен механизм психологической защиты в форме изоляция.

Такая особенность межэтнической толерантности как этнофанатизм также имеет большую степень выраженности в мужской группе ($U= 42,82$; $p=0,01$), чем в женской ($U=30,71$). Этот показатель свидетельствует о большей этнотолерантности женской группы. В то время как мужская группа демонстрирует апофеоз нетерпимости и негативизм по отношению к лицам другой национальности.

Теоретическая разработка проблемы формирования межэтнической толерантности на современном этапе ведется достаточно интенсивно в педагогике и во всех смежных

науках: философии, психологи, культурологии, социологии и т.д. Построение толерантной среды в образовательном пространстве вуза выступает в качестве особой ценности гуманитарного образования, которое обеспечивает адекватное социальное познание меняющегося мира для регуляции межэтнических отношений в полиэтнической городской среде. Таким образом, выполненная нами работа представляет определенную значимость для более глубокого психологического изучения феномена межэтнической терпимости, толерантности в различных профессиональных группах, с помощью различных статистических и качественных методов.

Ценностные ориентации как фактор адаптации китайских граждан в России

Орловская Мария Александровна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: m_orlovskaya@mail.ru

В последние годы существенно возросло число китайских граждан, пребывающих в Россию. По данным различных исследований, проведенных в России (М.И. Витковская, И.В. Троцук, 2004; В.Б. Антонова, 1998; Крупец Я.Н., 2003 и другие), в процессе адаптации к новой культуре китайские граждане переживают негативные эмоциональные состояния значимо чаще, чем позитивные состояния. Как следствие этого, можно отметить закрытость и нежелание контактировать с представителями других народов, присущую многим китайским гражданам в России.

Трудности вызываются рядом факторов, в числе которых можно выделить различие в ценностях двух культур. В традиционной китайской культуре сохраняются черты, формировавшиеся на протяжении веков. Это черты, сформированные под влиянием конфуцианских ценностей, проповедующих созерцание, уход от взаимодействия с неприятным и стремление к поддержанию межличностной гармонии.

Анализируя данные исследований Г. Хофстеда, М. Хо, Д. Сью и Сью и др., а также на основании собственного эмпирического исследования, Ким с соавторами описывают основные ценности азиатской культуры, выделяя 14 базовых ценностей (выборка состояла, в основном из граждан Китая и Кореи, поэтому они характеризуют прежде всего эти культуры): способность решать психологические проблемы; избегание позора своей семьи; коллективизм; конформность; почитание авторитетных людей; ориентация на учебные и профессиональные достижения; покорность по отношению к родителям; приоритетная роль семьи; поддержание межличностной гармонии; рассмотрение нужд других людей как более важных, чем собственные нужды; взаимность; уважение к старшим и своим предшественникам; самоконтроль и самообладание; скромность в представлении своих достижений (Kim et al., 1999).

Представляется, что ценности российской культуры во многом не совпадают с перечисленными ценностями. По крайней мере, современное российское общество в настоящее время обладает более индивидуалистическими ценностями. В частности, не распространена настолько жесткая иерархическая структура семьи и рассмотрение индивида как неотделимой части семьи. Уважение к старшим и своему роду не подкреплены социальными нормами или моралью. В целом, если для китайской культуры характерна жесткость соблюдения моральных норм, то в российской культуре не существует строго заданной системы норм и моральных ценностей.

Такие черты как самоконтроль и самообладание, а также необходимость самостоятельно решать психологические проблемы, также не характерны для российской культуры. Наоборот, обращение за психологической помощью к другому

человеку считается совершенно нормальным способом коммуникации с окружающими, особенно близкими людьми. В российской культуре, как более индивидуалистической, чем китайская, также не распространена постановка чужих интересов выше своих. Скромность и недооценка собственных успехов также не является базовой ценностью.

Что касается ориентации на учебные и профессиональные достижения, то здесь также можно отметить гораздо меньшую степень выраженности этого качества в российской культуре. Перфекционизм и направленность на достижения не является базовой ценностью российской культуры.

Необходимо отметить, что одним из факторов, препятствующих успешной адаптации китайских граждан в России, является отсутствие в российской культуре ориентации на создание межличностной гармонии и ухода от конфликта. Если в китайской ментальности уход от конфликта и сохранение гармонии в межличностных отношениях являются базовыми ценностями, то в российской культуре, наоборот, принято выражать свои мысли прямо, говорить о том, что думаешь, то есть прямодушие.

Современная российская культура развивалась преимущественно под влиянием Запада, где прямодушие, открытое высказывание своих мыслей и свобода слова являются абсолютно нормальными особенностями межличностного взаимодействия людей. Эти идеи формировались под влиянием широкого распространения науки, повсеместного образования, возникновения равноправия между различными социальными группами. Кроме того, русское прямодушие часто выражается в прямолинейности и недостаточной вежливости при взаимодействии с окружающими

Данные особенности двух культур имеют прямое отношение к межличностному общению. При взаимодействии с представителями российской культуры граждане Китая, которые рассматривают ценность поддержания межличностной гармонии как неоспоримо правильную, сталкиваются с непривычным для них прямодушием. Привычка россиян выражать свои мысли и чувства прямо может рассматриваться китайцами как негативное отношение к себе, что приводит к возникновению культурного шока, нежеланию дальнейших контактов с представителями чужой культуры и замыканию на общении с соотечественниками.

Таким образом, можно отметить, что различие базовых ценностей российской и китайской культур является важным фактором, препятствующим успешной адаптации китайских граждан в России. Детальное изучение особенностей влияния ценностных ориентаций на процесс адаптации, а также повышение осведомленности о различии в ценностях двух культур необходимы для повышения успешности адаптации китайских граждан и их интеграции в российскую культуру.

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Издательство Аспект-Пресс, 2004
2. Антонова В.Б. Психологические особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в Москве // Вестник ЦМО МГУ. – 1998. – №1.
3. Витенберг Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. – СПб., 1995.
4. Кджанян М.Г. Проблемы социальной адаптации личности. – Ереван, 1982.
5. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социс. – 2003. - № 4.
6. М.И. Витковская, И.В. Троцук. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни. Вестник РУДН, серия Социология, 2004, №6-7. С. 267-283
7. Bryan S. K. Kim, Donald R. Atkinson and Dawn Umemoto Asian cultural Values and the Counseling process. The Counseling Psychologist 2001; 29; 570

8. Ho, D. Y. (1996). Filial piety and its psychological consequences. In M. H. Bond (Ed.), *The handbook of Chinese psychology* (pp. 155-165). New York: Oxford University Press.
9. Hofstede, G. (1991). *Cultures and organizations: Software of the mind*. London: McGraw-Hill.
10. Kim, B.S.K., Atkinson, D. R., & Yang, P. H. (1999). The Asian Values scale: Development, factor analysis, validation, and reliability. *Journal of Counseling Psychology*, 46, 342-352.
11. Sue, D., & Sue, D.W. (1993). Ethnic identity: Cultural factors in the psychological development of Asians in America. In D. R. Atkinson, G. Morten, & D.W. Sue (Eds.), *Counseling American minorities: A cross-cultural perspective* (4th ed., pp. 199-210). Dubuque, IA: W. C. Brown.

Изменение социальной установки американцев в отношении русских¹

Петухов Михаил Александрович

студент

Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: vbfbk@infoteck.ru

Введение

Абсолютно все люди имеют определенные позиции по отношению к некоторым проблемам современного общества. Человек, выступавший за смертную казнь, может стать ее противником; горячий защитник сохранения окружающей среды может поостыть; атеист может стать верующим, а верующий может утратить веру. Следовательно, социальные установки могут изменяться. В социальной психологии под изменением установок (аттитюдов) понимается изучение условий, в которых индивидуальные или коллективные позиции, мнения изменяют свою интенсивность или направленность. [1]

Социальная установка — устойчивая система взглядов и представлений, подготавливающая индивида к определенным действиям, которая может быть выражена в форме отрефлексированных суждений. [2]

До сих пор 54 процента американцев считают Россию недружественной страной. [5] Многие американцы считают, что в России живут пьяные люди в ушанках и с балалайками. Среднестатистического россиянина представляют, как необразованного, глупого, бедного и немного диковатого. [3] Как мы видим – стереотип до сих пор творит свое страшное дело. Из-за вышеописанного представления о России многие американцы боятся ехать в нашу страну, заключать с ней экономические соглашения, и вообще иметь с ней хоть какие-либо серьезные дела. Потери идут с обеих сторон. Сегодня нам необходимо наладить связь между нашими странами. В первую очередь – на уровне простого народа, электората. Необходимо скорректировать образ русского человека таким образом, чтобы в представлениях о России присутствовало как можно больше настоящих, реальных черт, а не мифических и стереотипных образов. В данном исследовании нам предстоит ответить на вопрос “Как”. Как изменить установку? Как поднять имидж России? Это исследование представляется актуальным для развития теории и практики изменения социальной установки в международной сфере, ибо

¹ Выражаю благодарность моим близким, которые на протяжении всего периода исследования всячески поддерживали меня в моих начинаниях, как на Родине, так и в период моего пребывания на территории США.

предстоит создать методическую и практическую базу для изменения негативной установки.

Именно поэтому мы сформулировали следующую цель: Изменить социальную установку американцев в отношении русских.

Методы

Из теоретического анализа мы сделали предположение, что для изменения социальной установки необходимы следующие факторы источника [1]:

- Надежность источника, т.е. этому человеку доверяют.
- Доверие к источнику, т.е. за сообщением не видится личная выгода.
- Привлекательность источника.
- Аппеляция к страху.

Первый этап нашего исследования мы провели, находясь на территории Российской Федерации. Методика семантического дифференциала была направлена в американские города – Норфолк, Атланта, Джексон, Даллас, Денвер и Лос-Анджелес, где случайным образом, нашими американскими коллегами, были выбраны 100 человек (в каждом городе), которые, за определенную плату, приняли участие в нашем эксперименте. Адреса испытуемых записывались для дальнейшего использования. Результаты были получены и обработаны.

Второй этап мы проводили на территории Соединенных Штатов. Выбирая объект для источника влияния, мы проанализировали журнал знаменитостей Forbes, и пришли к выводу, что наиболее подходит на эту роль – Билл Клинтон.[4] На сегодняшний день он обладает надежностью, доверием, т.к. он уже не является президентом США и привлекательностью.

Нами было составлено специальное обращение от лица Билла Клинтона, которое вместе с почтой разносилось испытуемым, которые принимали участие в первом этапе нашего исследования. Порядок разноса листовок: Норфолк→ Атланта→ Джексон→ Даллас→ Денвер → Лос-Анджелес. Через две недели после “влияния” мы провели замер изменений у испытуемых в исследуемых городах - Лос-Анджелес → Денвер → Даллас→ Джексон → Атланта → Норфолк. Методика – семантический дифференциал.

Для исследовательских целей мы должны были условно разбить всех испытуемых на 2 группы. В каждом городе 50 человек получали листовку с “аппеляцией к страху” – с последними двумя предложениями. Другие 50 – без них.

Результаты

На первом этапе было произведено исследование отношения американцев к русским. Русский – человек обладающий низкой культурой, злой, бедный, со средним здоровьем и умом, хорошо пьющий, необразованный, но, однако, не старомодный. В ходе внедрения программы по изменению социальной установки. Русский – человек довольно культурный, не злой, обеспеченный, неплохого здоровья, современный, иногда пьющий, довольно умный и образованный.

В итоге, оценивая программу, можно сказать, что она эффективна для изменения отношения одной нации по отношению к другой. Так, мы можем сказать, что, по крайней мере, несколько сотен американцев уже не представляют русского человека, как человека с низкой культурой, злого, бедного, со средним здоровьем и умом, хорошо пьющего, необразованного. Нам удалось продемонстрировать, что такие факторы, как надежность источника, доверие к источнику и его привлекательность ведут к изменению отношения на статистически значимом уровне на всех шкалах. $G >, 0.005$. Также оказалось, что этот триплет в комбинации с аппеляцией к страху дает более эффективное смещение установки, $G >, 0.005$. Однако следует подчеркнуть, что фактор страха – очень сложный фактор. Его необходимо строго дозировать, чтобы он не превратился в запугивание, которое ведет к отрицательному эффекту.

Конечно, мы понимаем, что изменение установки у нескольких сотен американцев – капля в огромном океане, но теперь мы знаем возможный механизм повышения престижа России на международной арене путем изменения установки. В дальнейшем необходимы грамотные действия нашей пропаганды, которой следует использовать известных, привлекательных, пользующихся доверием людей для поднятия имиджа России.

Результаты нашего исследования позволяют сделать предположение, что данная программа может быть эффективной для изменения установки не только в международной сфере, но и для изменения установки вообще. Будь это хоть университетское выступление, либо предвыборная кампания. Однако это нуждается в дальнейшей верификации.

Литература

1. Московичи С. Социальная психология. 7-е изд./ Пер. с фр. — СПб.: Питер, 2007.
2. Summers G.F. Attitude Measurement. N.Y., 1971.
3. Аналитический центр Юрия Левады: <http://www.levada.ru/russia.html>
4. <http://www.lenta.ru/news/2005/06/17/list/>
5. <http://news.vl.ru/world/2007/08/15/vragi/>

Ценностные ориентации старших подростков: кросс-культурный аспект

Романова Эльвира Юрьевна

студентка

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: sai-elka@mail.ru

Формирование персональной системы ценностных ориентаций является одним из важнейших результатов процесса социализации. Система ценностных ориентаций является психологической характеристикой зрелой личности и выражает отношение человека к социальной действительности. На развитие и формирование ценностных ориентаций личности влияет целый ряд факторов, один из которых - усвоенные индивидом особенности культуры. Любая культура обладает своей уникальной ценностной структурой, в которой отражается ее самобытность. Взаимосвязь ценностных особенностей культуры и структуры ценностных ориентаций личности можно проследить в результате кросс-культурного сравнения. Особый интерес в этом плане представляет старший подростковый возраст, в котором формирование ценностных ориентаций, лежащее в основе социального самоопределения, представляет отдельную возрастную задачу. Соответственно, возникает вопрос: как соотносятся собственно возрастные и социокультурные параметры в процессе формирования ценностных ориентаций? В данной работе мы рассматриваем кросс-культурные различия в структуре ценностных ориентаций старшеклассников России и Казахстана.

Представляется, что взаимосвязь между особенностями культуры и персональными ценностями проявляется в особенностях структуры ценностных ориентаций. Отталкиваясь от особенностей современного образа жизни, мы предположили, что: 1) большинство казахстанских старшеклассников ориентированы на традиционный тип культуры; 2) большинство российских старшеклассников ориентированы на современный тип культуры; 3) для представителей традиционной культуры наиболее важными являются ценности «традиции» и «доброта»; 4) для представителей современной культуры наиболее важными являются ценности «достижение» и «самостоятельность».

В качестве теоретико-методической основы исследования была выбрана модель динамических отношений ценностей Ш.Шварца и модель культурно-ценностных ориентаций Дж.Таусенда. Опросник Таусенда основан на представлении о трех типах культур – традиционной, современной и динамически развивающейся, каждая из которых содержит ряд ценностей, соответствующих направленности культуры. Методика Шварца построена на представлении о мотивационном значении ценностных ориентаций и универсальности базовых человеческих ценностей.

Эмпирически были выявлены следующие особенности ценностных ориентаций старших подростков. Для российских старшеклассников в целом наиболее значимыми оказались ценности «достижение» и «самостоятельность», несколько меньшие значения имели ценности «гедонизм», «доброта» и «стимуляция». Наименьшую значимость представляли «конформность», «власть» и «традиции». При этом анализ особенностей культуры показал, что среди российских подростков 28% принадлежат к традиционной культуре, 52% - к современной культуре и 20% - к динамически развивающейся (что подтвердило вторую и четвертую гипотезы исследования). Однако и для казахстанских подростков в целом наиболее важными оказались ценности «самостоятельность» и «достижение». Достаточно также выражены оказались ценности «доброта» и «универсализм», а наименее важными – «гедонизм», «конформность» и «власть». При этом среди казахстанских подростков только 48% принадлежали к традиционной культуре, 40% - к современной культуре и 12% - к динамически развивающейся. Эти различия оказались значимы для исследуемых выборок на уровне тенденции ($=0,05$). Иными словами, можно утверждать, что хотя социокультурный фон социализации российских и казахстанских подростков достаточно различен, в структуре их ценностных ориентаций наблюдается сходство, отражающее возрастные закономерности (стремление к самостоятельности, достижениям, отрицание конформизма).

Далее мы рассматривали взаимосвязь особенностей культуры и ценностных ориентаций по подвыборкам подростков, ориентированных на разный тип культуры.

Для части российских подростков, ориентированных на традиционную культуру, результаты оказались противоречивыми: подобная ориентация предполагает отсутствие внутренней свободы, регламентированность деятельности, однако в структуре ценностей наблюдалось стремление к самостоятельности и достижению, личному успеху, а традиционные ценности имели наименьшую значимость. Структура ценностей российских подростков, ориентированных на современную культуру, соответствовала данному типу культуры: достижение и самостоятельность согласуются со стремлением к личному успеху, самореализации, характерным для данного типа культуры. Российские подростки, ориентированные на динамически-развивающуюся культуру, также демонстрировали важность для них ценностей самостоятельности и достижения, что согласуется с принципами индивидуальности, независимости, автономии, типичными для данной культуры.

Взаимосвязь особенностей культуры и ценностей в выборке казахстанских подростков отличалась выраженной внутренней противоречивостью. Для респондентов, ориентированных на традиционную культуру, в равной степени важными оказались ценности самостоятельности и традиции, т.е. конкурирующие ценности. Ориентированные на современную культуру казахстанские подростки считали самыми важными самостоятельность и доброту, что лишь отчасти характерно для данного типа культуры. Ориентированные на динамически развивающуюся культуру подростки также в наибольшей степени выбирали ценности самостоятельности и доброты, что опять же не соответствует данному типу культуры.

Итак, соотнося результаты с выдвинутыми гипотезами, можно отметить следующее. Прежде всего обращает на себя внимание факт несоответствия ценностных

ориентаций респондентов, принадлежащих к традиционной культуре (как в российской, так и в казахстанской выборках), типичным для данного типа культуры ценностям, что можно объяснить возрастными закономерностями. Наличие у российских подростков ценностей, близких представлениям о современном типе культурно-ценностных ориентаций, соответствует актуальным тенденциям в российском обществе, которое поощряет в человеке самостоятельность, установку на личный успех и самореализацию. Внутренняя противоречивость взаимосвязи особенностей культуры и ценностей для казахстанских подростков, скорее всего, связана с существующими противоречиями в казахском обществе, в котором наряду с соблюдением исторически сложившихся традиционных принципов жизни, соответствующих коллективистическим культурам, существует активное стремление к индивидуальному успеху и самостоятельности, отражающее проникновение западных образцов жизни.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания, М., 2005
2. Кравцова И.К. Структура ценностных представлений в юношеский период // Вестник МГУ, Сер. «Психология». 1997, №2
3. Почебут Л.Г. Этнические факторы развития личности // Введение в этническую психологию. СПб, 1995. С.66-83
4. Rokeach M. The nature of human values. N.Y., 1979
5. Schwartz H. S. Universal in the contents and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. Orlando, 1992 Vol. 25

Адаптация китайских студентов к инокультурному окружению в процессе обучения в российских ВУЗах

Самсонова Мария Сергеевна

студентка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Samsonova_Maria@mail.ru

Проблема изучения процесса культурной адаптации давно интересует исследователей в области социологии, социальной психологии, этнопсихологии. В современном мире она становится всё более актуальной. Наш мир постоянно развивается. Нельзя отрицать, что всё больше расширяются коммуникационные возможности человека: растут технические возможности, развивается транспорт. Мир становится всё более подвижным. Теперь для человека не представляется невозможным или просто трудным контакт с представителями другой, новой для него культуры. Процессы миграции чрезвычайно широко распространены теперь по всему миру. И в такой ситуации человек встаёт перед лицом серьёзной проблемы: проблемы поиска себя, проблемы научения терпимо относиться к другим, сильно отличным от него, не теряя при этом самого себя или же находя место и для себя в новой культуре, заставляя других принять его.

В нашей работе был поставлен конкретно вопрос об адаптации китайских студентов в условиях обучения в российских ВУЗах. Постановка именно этого вопроса является в современном мире весьма актуальной: миграции китайского населения распространяются всё шире, китайские студенты отправляются получать образование в разные страны мира. И вопрос об адаптации китайских студентов, таким образом, ставится в принимающих странах всё чаще, становится всё более актуальным.

Говоря об адаптации, мы разделяем этот процесс и процесс аккультурации. Колин Уорд определяет аккультурацию следующим образом: это «...изменения, которые происходят в результате продолжительного непосредственного контакта представителей разных культур» [Уорд, 2003, с.675]. Т.Г.Стефаненко приводит определение аккультурации, которое дали Р.Редфилд, Р.Линтон и М.Херсковиц. Они определяют аккультурацию как «результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов культуры одной или обеих групп» [Стефаненко, 2006, с.333]. А межкультурная адаптация, как определяет её Т.Г.Стефаненко, - это «...сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая её традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними» [Там же, с.332]. Мы видим, что возможна адаптация без психологической аккультурации. То есть вполне возможно, что человек окажется способен и сумеет адаптироваться к новому окружению, сможет научиться вести себя в культуре так же, как и ее носители. Однако это вовсе не гарантирует, что человек начнёт ощущать себя частью этой культуры, что он начнёт идентифицировать себя с другими членами этой большой социальной группы.

В процессе адаптации нас конкретно заинтересовало изменение ценностей китайцев в нашей культуре. Здесь возникает множество вопросов, требующих исследования. Прежде всего, это выделение ценностей, характерных для китайской и русской культур, их сравнительный анализ. И далее представляется интересным проследить изменение ценностей китайцев в процессе адаптации. В какой степени происходит принятие китайцами ценностей, характерных для новой культуры? Появляются ли у них новые ценности, или изменяется значимость уже существующих, происходит ли перестройка иерархии ценностей? Все эти вопросы должны быть исследованы для более глубокого рассмотрения процесса адаптации китайцев (китайских студентов) к инокультурному окружению в нашей стране.

И далее, при рассмотрении изменения ценностей в процессе адаптации перед нами встаёт еще одна проблема для исследования: перед нами оказываются две малые группы (академическая студенческая группа, представляющая русскую культуру, и группа китайских студентов). Иными словами, китайские студенты адаптируются к новой культуре прежде всего в условиях учебной группы. Мы сталкиваемся со следующей ситуацией: китайский студент уже прошёл через некоторые стадии адаптации, предположительно принял некоторые ценности новой культуры, усвоил нормы и правила культуры. Однако оказывается, что группа его не принимает как «своего».

Возникает вопрос об уровнях адаптации: что следует дальше? В более широком контексте мы, видимо, имеем дело не только с адаптацией человека к культуре и к группе, её представляющей, но и принятие адаптирующегося группой. Нам представляется интересным рассмотреть подобную ситуацию и выяснить, является ли она одним из уровней адаптации, или это своего рода кризис. И как в такой ситуации продолжается процесс адаптации: теряет ли индивид все принятые ценности новой культуры, возвращается ли к тем ценностям, которые разделял до начала адаптации, либо продолжает адаптироваться и стремится достичь принятия группой. Как нам представляется, эти вопросы требуют исследования и решения для обеспечения успешного процесса адаптации к инокультурному окружению.

Мы выделили ряд проблем, требующих рассмотрения. Исследование представленных вопросов оказывается интересным и важным как в теоретическом отношении (как глубокое рассмотрение и изучение процесса адаптации, попытка выделения уровней адаптации и рассмотрения психологических проблем, с которыми сталкивается индивид в процессе адаптации в малоизученной до сих пор ситуации), так и с точки зрения практической значимости, поскольку в современном мире проблема адаптации к инокультурному окружению стоит очень остро и в настоящее время всё

большую актуальность приобретают вопросы помощи в адаптации именно представителям китайской культуры.

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2006.
2. Уорд К. Азбука аккультурации// Психология и культура/ Под редакцией Д.Мацумото. М., С-П. 2003. С.656-709.

Влияние личностных особенностей на адаптацию русских иммигрантов в Финляндии

Свергун Ирина Сергеевна

студентка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: irina.svg@gmail.com

Глобализация в современном мире приводит к учащению и интенсификации международных контактов, которые становятся все более распространенными и разнообразными. По этой причине проблема эффективности адаптации к новой культуре имеет особую актуальность для исследователей. Важными становятся вопросы о факторах, влияющих на успешность адаптации. Учитывая индивидуальные особенности иммигранта, мы можем заранее предсказать его стратегию адаптации к новой культуре и возможные проблемы, с которыми он столкнется в процессе адаптации.

Данное исследование посвящено изучению влияния личностных особенностей на успешность процесса адаптации русскоязычных иммигрантов в Финляндии. Выборку составили 49 русских иммигрантов в возрасте от 21 до 72 лет, из них 37 женщин и 12 мужчин, с различной длительностью пребывания в Финляндии (от 2 месяцев до 15 лет).

В исследовании были использованы следующие методики:

Для определения уровня адаптации - «опросник адаптации личности к новой социокультурной среде», разработанный И.А. Шахтариным и Л.В.Янковским. Этот опросник позволяет выявить уровень и тип адаптации иммигрантов в новой социокультурной среде.

Для определения уровня субъективного контроля личности - опросник «УСК», разработанный Дж. Роттером. Опросник позволяет выявить принадлежность респондента к экстеральному или интернальному типу, а также отдельно проследить уровень интернальности в области достижений и в области неудач.

Для выявления таких особенностей личности, как самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, эскапизм (уход от проблем) - опросник К. Роджерса и Р.Даймонда.

Кроме того, испытуемые ответили на ряд вопросов, касающихся длительности проживания в Финляндии и уровня знания финского языка.

Был проведен факторный анализ полученных данных для общей выборки. Результаты факторного анализа показали преимущественную значимость четырех основных факторов. В первый фактор вошли следующие показатели: самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, эскапизм (с отрицательным знаком). Комплексно этот фактор можно назвать **фактором психологического благополучия**. Во второй фактор вошли показатели депрессивности, ностальгии и отчужденности. Этот фактор объединяет показатели **психологического дискомфорта**. В третий фактор вошли длительность проживания и уровень знания языка. В этот фактор вошли **формальные, непсихологические переменные**. В четвертый фактор вошли интернальность достижений и интернальность неудач. Это - **фактор локализации контроля**.

С помощью метода корреляционного анализа Пирсона были подсчитаны корреляции уровня адаптации и всех остальных переменных, измеренных с помощью опросников. В результате было установлено наличие положительной связи между успешностью адаптации и такими переменными, как самопринятие, принятие других и эмоциональный комфорт. Было также установлено наличие отрицательной связи между успешностью адаптации и такими переменными, как уровень депрессивности, ностальгии и отчужденности. Также обнаружена связь успешности адаптации с локализацией контроля, возрастом иммигранта, длительностью проживания в стране принимающей культуры и уровнем знания языка.

Несмотря на то, что исследование посвящено особенностям адаптации русскоязычных иммигрантов в Финляндии, исследуемые личностные особенности могут влиять и на адаптацию иммигрантов в других странах.

Литература:

1. Стефаненко Т.Г. (2004) Этнопсихология. М.: Аспект Пресс.
2. Уорд К. (2003) Азбука аккультурации / Психология и культура. Под ред. Д.Мацумото. Спб.: Питер.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. (2005) Теории личности. Спб.: Питер.
4. Jasinskaja-Lachti I. (2000) Psychological Acculturation and Adaptation Among Russian-speaking Immigrant Adolescents in Finland. Helsinki: Helsingin yliopiston verkkojulkaisut.
5. Kim, Y.Y., Gudykunst, W.B. (1987) Cross-cultural adaptation. London: Sage.

Проблема соотношения гражданской и этнической идентичности.

Сорина Анастасия Григорьевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Россия, Москва

E-mail: baranova_nastia@mail.ru

Многие современные психологи и социологи говорят о том, что социально-политические и общественно-экономические процессы в нашей стране привели к кризису гражданской и этнической идентичности. Вследствие этого отмечается рост дезадаптации, оторванности и обособленности индивида от общества, проявлений девиантного и делинквентного поведения, межэтнической напряженности, конфликтности и агрессии, как у взрослых, так и у подрастающего поколения. Главные трудности формирования позитивной гражданской идентичности обусловлены противоречивыми тенденциями развития современного российского общества, которые привели к размыванию ориентиров, необходимых для личностного самоопределения. С другой стороны, оказывают влияние процессы глобализации и стирания межэтнических границ. В этих условиях гражданская идентичность может стать объединяющей силой в полиэтничном обществе.

Такие сложные категории, как «социальная» и «личностная идентичность» выделяются многими авторами. Э.Фромм говорил о персональной и социальной идентичности (самоотождествление личности с идеями, ценностями, социальными стандартами общества). Э.Эрикссон различал личностную идентичность и социальную идентичность (личностный конструкт, отражающий внутреннюю солидарность человека с социальными групповыми ценностями, идеалами и нормами). И.Гоффман выделяет три вида идентичности: социальная (как типизация личности на основе атрибутов социальной группы, к которой она принадлежит), личностная идентичность и Я-идентичность.

Таким образом, анализируя различные взгляды и концепции, можно сделать вывод, что гражданская и этническая идентичность являются частным случаем социальной идентичности, а, следовательно, подчиняются одним законам, являясь осознанием и переживанием личностью сопричастности к определенному сообществу.

Согласно концепции социальной идентичности Тэджфела, идентичность как норма – положительное отношение к своей группе в сочетании с позитивным отношением к другим (но несколько хуже, чем к своей). Из этой концепции можно заключить, что позитивная идентичность, в сущности, рассматривается как идеальный конструкт. Гражданская идентичность, таким образом, выступает в форме осознания личностью принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющим для него значимый смысл. Этническая идентичность – к соответствующей этнической группе.

По мнению Л.М. Дробижевой этнические вызовы 1980-1990х годов привели к оживлённому обсуждению проблемы этнической идентичности, ее содержания и типов. В настоящее время на первый план выходят проблемы роста терроризма, ксенофобии и экстремизма, в связи с чем становятся более обсуждаемыми проблемы гражданской идентичности и самосознания.

По мнению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность в основном базируется на национальном языке и культуре, а также на национальности родителей, а Гражданская идентичность – на исторической общности и достижениях в культуре. Одна идентичность не исключает другую, они должны дополнять друг друга но для этого государство должно активно проводить соответствующую политику, выстраивая определенные взаимоотношения между гражданами и социальными институтами. С одной стороны гражданская идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства граждан страны, с другой – она должна включать и общечеловеческие ценности – человеческого достоинства, ответственности, уважения к выбору политических, религиозных и гражданских ценностей, свободы индивидуальности. То есть гражданская идентичность должна быть привлекательной для всех жителей страны, в независимости от их этнической принадлежности и вероисповедания.

М.Б. Хомяков полагает, что гражданскую идентичность должно усиливать применение принципа групповых прав, она должна поддерживать существование других групповых идентичностей, в частности, этнической, а не угрожать им. Только в таком случае гражданская идентичность будет способствовать интеграции и толерантности общества. Кроме того, гражданская идентичность подразумевает определенные отношения между гражданами, «гражданскую дружбу», в основе которой лежит доверие. Хомяков также видит в формировании гражданской идентичности решение проблемы мультикультурального общества.

По мнению Е.Н. Даниловой, гражданская идентификация несет в себе более положительный потенциал, чем этническая, так как не несет в себе межнациональных трений и конфликтов.

Во многих многокультуральных странах, таких как (Канада, Австралия, Израиль, Швеция) проводятся политические программы, направленные на преодоление соперничества культур и дискриминации этнокультурных меньшинств, включая иммигрантов, и основанные на трех стратегических целях – равенство, свобода, партнерство. Необходимо отметить, что реализация принципов мультикультурной идеологии далеко не всегда происходит бесконфликтно, приводит к тенденциям сегрегации и ассимиляции.

Таким образом, в настоящее время актуальна разработка теоретических основ, проведение масштабных эмпирических исследований, позволяющих дать практические рекомендации по формированию гражданской идентичности с учетом культурных и возрастных особенностей. Актуальность формирования гражданской идентичности

обусловлена социальной востребованностью воспитания гражданственности подрастающего поколения, способного принимать ответственные решения; наличие такой идентичности является средством профилактики и предупреждения национализма, расизма, ксенофобии, экстремизма.

Практическая значимость изучения данной проблемы состоит в возможности разработки социальных программ и тренингов, направленных на формирование гражданской идентичности, служит базой для индивидуальной коррекционной работы. Кроме того, представляется необходимой разработка методов оценки сформированности гражданской идентичности.

Сравнительное исследование ценностно-мотивационной сферы молодежи русской и татарской национальности

Талипов Рустем Азатович

студент

Институт экономики, управления и права, Казань, Россия

E-mail: mal4bik@mail.ru

Введение

В центре внимания многих исследователей психологии межкультурных различий сегодня находится Россия и, следовательно, ценностные ориентации представителей различных народов, проживающих на ее территории.

Россия - государство, на территории которого проживает более 170 народов, большинство из которых существенно различаются по своей численности: 82 млн (83% населения) – русские, свыше 5 млн. – татары, свыше 3 млн. – украинцы, 1,7 миллионов – составляют чуваша. Представители различных народов России много пока теряют из-за незнания особенностей собственной культуры, ее отличий от других культур. Вместе с тем, как человек может познать самого себя только через общение с другими людьми, так и народ в целом может узнать свои особенности, лишь при контакте с представителями других культур или сообществ, оперирующих иным набором ценностей. Именно в процессе межкультурных взаимодействий происходит осознание ценностей, и обнаруживаются различия именно в последних. Поэтому теоретическое и эмпирическое исследование социально-психологических особенностей представителей народов России с учетом изменений, происходящих в обществе в последнее время, является задачей практической важности.

Однако, проведенный обзор исследований показал, что на сегодняшний день, отмечается недостаток специальных исследований направленных на поиск специфического и общего в ценностных ориентациях представителей различных народов России, в частности русского и татарского народа. Учитывая актуальность и недостаточное изучение данной проблематики, нами была поставлена цель - исследовать ценностно-мотивационной сферы представителей русского и татарского народа.

Гипотеза исследования - в силу особенностей исторического, экономического и социально-политического развития, специфики религиозных, культурных, языковых, и других влияний представители русского и татарского народа, имеют больше общего в ценностных ориентациях, чем различного. Как для представителей татарского, так и русского народа в юношеском возрасте, наибольшую ценность представляют «деньги» и «уверенность в себе».

Методы

Методики исследования: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; методика «Диагностики степени удовлетворенности основных потребностей»; методика «Незаконченные предложения». Для сравнения результатов тестирования в двух

группах в работе использовался t-критерий Стьюдента для несвязных измерений. Участие в исследовании приняли студенты (17-19 лет) высших учебных заведений г. Нижнекамск, Республика Татарстан. Общее число испытуемых 50 человек: из них 25 – русской и 25 человек татарской национальности.

Результаты

В ходе исследования было обнаружено, что для молодых людей русской и татарской национальности, характерна высокая ценность таких ценностей – целей, как здоровье любовь и уверенность в себе, которые, в принципе полностью соответствуют базовым потребностям, выделенным А.Маслоу. Также установлено, что альтруистические ценности, ценности эстетические, возвышенные, связанные с восхищением и почитание искусства и природы для всех испытуемых вытесняются на последние позиции в структуре терминальных ценностей.

При этом мы можем отметить значимые различия в ценности общения у представителей двух групп. Если представители русской молодежи стремятся в большей степени реализоваться в кругу друзей, получить общественное признание, то представители татарской молодежи стремятся удовлетворить потребность в общении посредством счастливой семейной жизни и наличия интересной работы.

В ходе сравнительного анализа была выявлена значимость различия в отношении средств достижения поставленных целей. Так видим, что молодые люди русской национальности чаще всего использует в достижении цели такие инструментальные ценности, как эффективность в делах, исполнительность, ответственность и образованность, а также индивидуалистический блок ценностей: жизнерадостность и честность.

Для молодых людей татарской национальности, значимыми средствами достижения целей являются социально-психологические характеристики, высокая моральность и образованность. При этом высокие запросы и рационализм отмечены, как самые не продуктивные и незначимые средства достижения цели у представителей татарской молодежи, а молодые люди русской национальности отмечают, что наименее продуктивными средствами являются высокие запросы, твердость воли и непримиримость со своими и чужими недостатками.

Изучение базовых потребностей показало, что для молодых людей русской и татарской национальности характерно неудовлетворение материальных потребностей и потребностей в самовыражении. Потребность же социальная сильнее удовлетворена у представителей русской молодежи. Надо отметить, что центральным звеном ценностной сферы русской молодежи является потребность в самовыражении, а у представителей татарской молодежи – материальные потребности. В целом, ценностно-мотивационная сфера более интегрирована у представителей татарского народа.

Проведенное исследование показало, что проблема является актуальной и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социс – 2004. - №7.
2. Гудачек Я. Ценностные ориентации личности // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. - М.. 1989.
3. Дильтей В. Описательная психология. - СПб., 1995.
4. Касьянова К. О русском национальном характере. М.. Институт национальной модели экономики, 1994.
5. Кон И.С. В поисках себя. - М., -1984.
6. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий.- М.: ПЕР СЭ, 2002.

7. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций / В.Г.Крысько.- М.: Издательство «Экзамен», 2002.
8. Леонтьев Д.А. Ценности и ценностные представления //Психологическое обозрение. - 1998. - №1.
9. Рогов М.Г. Мотивация учебной и коммерческой деятельности студентов: социально-психологический аспект. - Казань, 1998.
10. Этническая психология. Хрестоматия.- СПб.: Речь, 2003.
11. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово. – 2000.

Билингвизм и коммуникативная сензитивность

Тетерина Марина Владимировна

молодой ученый

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: marina.teterina@gmail.com

Поскольку билингвы, живущие в двуязычной среде, часто переключаются с одного языкового кода на другой, у них подсознательно развивается способность к чуткому (сензитивному) восприятию окружающих и понимание особенностей коммуникации в конкретной ситуации. Каждый раз им нужно задумываться, какой язык выбрать для общения в данный момент. Так, например, во время телефонного разговора двуязычный человек может по акценту или другим языковым особенностям своего собеседника понять, какой язык является для него родным, и в случае, если он сам также владеет этим языком, билингв имеет возможность переключиться на него и сделать общение более дружелюбным и доверительным. Многие, хотя не все, билингвы сознательно контролируют свою речь на двух языках и стараются их не смешивать. Они также чутко реагируют на намеки и сигналы со стороны других, подсказывающие им, когда следует переключиться с одного языка на другой, наблюдают за собеседниками, пытаются угадать их языковые предпочтения в тот или иной момент разговора. Все это повышает уровень коммуникативную сензитивность.

В западной психологии одним из первых исследований, показавших, что билингвы действительно могут обладать повышенной сензитивностью в процессе межличностной коммуникации, было исследование Ben-Zeev¹. Он доказал, что билингвы более чутко реагируют на подсказки и ключевые сигналы в ситуациях социального взаимодействия. Во время эксперимента билингвы демонстрировали большую сензитивность к языковым требованиям и инструкциям и исправляли свои ошибки быстрее, чем одноязычные испытуемые. Несколько исследований было посвящено детскому билингвизму – одному из наиболее интересных и сложных аспектов этой темы. Так в исследовании de Hower² было обнаружено, что дети двух-трех лет легко приспосабливаются к контексту коммуникации и языковым предпочтениям своих собеседников и, как правило, не смешивают языки, общаясь с одноязычными индивидами. В эксперименте Genesee, Tucker & Lambert³ на определение уровня коммуникативной сензитивности, который

¹ Ben-Zeev, S., 1977. The Effect of Bilingualism in Children from Spanish-English Low Economic Neighbourhoods on Cognitive Development and Cognitive Strategy. Working Papers on Bilingualism, 14, 83-122.

² De Hower, A., 1995. Bilingual Language Acquisition. In P. Fletcher & B. MacWinney (eds.). The Handbook of Child Language. Oxford: Blackwell.

³ Genesee, F., Tucker, G. R. & Lambert, W.E., 1975, Communication Skills in Bilingual Children. Child Development, 46, 1010-1014.

они проводили среди детей в возрасте 5-7 лет, сравнивалось поведение во время игры школьников, обучающихся по двуязычной и одноязычной программе. Дети должны были объяснить правила игры в нарды двум своим собеседникам, один из которых был незрячим. При этом слушающие не должны были задавать никаких вопросов. Было обнаружено, что дети, обучающиеся по двуязычной программе, оказались более чуткими к потребностям своих собеседников, они предоставляли больше информации об игре незрячим детям, чем видящим.

Часто дети из семей мигрантов первого поколения выступают в качестве переводчиков для членов своей семьи, так как быстрее овладевают языком принимающей страны. Это повышает их уровень эмпатии, поскольку им не только приходится ориентироваться в двух различных социальных и культурных системах, но и нести ответственность за ту информацию, которую они передают. Роль посредника делает детей более взрослыми, независимыми, повышает их самооценку. Как считают исследователи, более раннее принятие детьми взрослых ролей может способствовать формированию позитивного Я-образа в будущем.

По мнению Baker & Prys Jones¹, эффективный собеседник – это тот, который способен:

- внимательно слушать говорящего и ценить его желание поделиться своими мыслями;
- адекватно отвечать говорящему;
- быть готовым поддерживать беседу;
- быть готовым не выносить моментальных суждений, корректировать свое мнение, основанное на первом впечатлении;
- задавать говорящему дополнительные вопросы, чтобы более глубоко понять то, о чем он говорит;
- понимать, что люди говорят и слушают по-разному;
- стараться выслушать и понять малознакомых собеседников;
- правильно интерпретировать паузы и смену темы разговора в ходе беседы;
- быть уверенным в процессе общения;
- уметь варьировать свою речь и восприятие речи других в зависимости от потребностей аудитории, контекста, коммуникативной задачи;
- быть чутким к проблемам, которые могут испытывать собеседники в связи с восприятием речи (плохое знание языка, проблемы со слухом, межкультурные особенности коммуникации и др.).

Несмотря на то что проблема сензитивности и эмпатии как в западной, так и в отечественной психологии не оставлена без внимания, и разработан внушительный арсенал методик на выявление способности к эмпатийному поведению, исследователи отмечают необходимость дальнейшего изучения проблемы коммуникативной сензитивности у билингвов, поскольку пока в этой области больше гипотез, чем явных доказательств.

Литература

1. Ben-Zeev, S., 1977. The Effect of Bilingualism in Children from Spanish-English Low Economic Neighbourhoods on Cognitive Development and Cognitive Strategy. Working Papers on Bilingualism, 14, 83-122.
2. De Hower, A., 1995. Bilingual Language Acquisition. In P. Fletcher & B. MacWinney (eds.). The Handbook of Child Language. Oxford: Blackwell.

¹ Baker, C. & Prys Jones, 1998. S. Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Multilingual Matters.

3. Genesee, F., Tucker, G. R. & Lambert, W.E., 1975, Communication Skills in Bilingual Children. Child Development, 46, 1010-1014.
4. Baker, C. & Prys Jones, 1998. S. Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Multilingual Matters.

Этническая предубежденность индивида и этно-национальные установки

Ткаченко Наталья Владимировна

аспирантка

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: tata_tkachenko@mail.ru

Актуальность изучения этно-национальных установок в наши дни, к сожалению, требует длинного практического обоснования. Этнический конфликт, этнонациональный фактор в террористической деятельности и многие другие феномены связываемые с “национальным” сейчас в поле зрения как общества, так и научного мира.

Несмотря на то, что установки – одна из наиболее изученных в социальной психологии областей, теоретическое изучение этно-национальных установок также вызывает немало трудностей. Традиционно оно осуществляется в первую очередь на стыке социологии, политологии и истории с перевесом в ту или иную сторону в зависимости от методологической базы исследователя. При этом полноценный обзор существующих на сегодняшний день исследований по данной теме дать практически невозможно в силу их огромного количества.

Таким образом, можно сказать, что установки в национальном пространстве, по-видимому, залегают на уровне несколько более глубоком, чем повседневный национальный дискурс. В этом случае нам необходимо описать объекты национализма исходя из общего представления о «национальном» для того, чтобы впоследствии из него вычленил то, что можно идентифицировать как национализм.

В самом общем виде мы можем выделить четыре группы национальных объектов.

Во-первых это национальность в принципе. *«Национальность – это некоторый факт, который существует, это характеристика человека, несущая какие-то его культурные черты.* Во-вторых это национальность самого человека. В-третьих, это другие люди, принадлежащие к «моей» национальности. *«Люди одной национальности как родственные души воспринимаются.* В-четвертых, - люди «иной чем я» национальности *«Я к людям другой национальности отношусь*

Подчеркнем при этом, что «национальность» в данном контексте обозначает термин синонимичный не только нации, что предполагалось бы по звуковому созвучию, но и этнической группе. Связано это со спецификой бытового русского языка и трудностью разграничения национального и этнического на уровне повседневного речевого поведения.

На основании анализа высказываний участников фокус-групповых исследований нами было выделено 87 утверждений, демонстрирующих различные установки, по отношению к одному из четырех представленных объектов. Для более подробного изучения специфики национальных установок и выделения из них «националистической» составляющей мы провели исследование опросного характера, направленное на изучение согласия-несогласия респондентов с данными утверждениями. Всего было опрошено 50 молодых людей 14-17 лет.

Анализируя полученные результаты можно предположить, что этно-национальные установки, являющиеся, с точки зрения предложенного нами определения, «отражениями» социальной идентичности с большой социальной группой,

определяемой на основе представления о ее культурной и/или биологической гомогенности и социально-исторической тождественности, проявляются в области всех четырех объектов представлений о национальном.

В области абстрактного концепта национальности и представлений о собственной национальности этно-национальные установки утверждают позитивное влияние и актуальность национальности для современного мира и значимость ее для самой личности.

В пространстве межнациональных отношений картина несколько более сложная. С одной стороны этно-национальные установки очевидно должны проявляться в ощущении близости с «людьми своей национальности» и «чувствительность к межнациональной проблематике». С другой стороны, исходя из современных представлений о социальной идентичности мы не можем однозначно утверждать, что этно-национальным установкам должно сопутствовать и позитивное отношение к «своим» и неприятие «чужаков». Теоретически можно предположить ситуации когда поддержание национальной идентичности через ингрупповой фаворитизм при отсутствии аутгрупповой дискриминации будет вести к позитивному отношению к «людям своей национальности» не связанному с неприязнью к «чужим».

Таким образом этно-национальные установки направлены на разные объекты и могут быть описаны как сочетания представлений о высокой роли национальности в современности, значении своей национальности для носителя установок, ощущение «близости к своим» и «чувствительности к национальному», а также позитивного отношения к «своим» и неприятия «чужаков».

Литература

1. Национализм. Теории и политическая история. Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Москва, 2006 (Изд. дом ГУВШЭ)
2. Национализм как политическая идеология: учебное пособие, Малахов В.С. - М: КДУ, 2005
3. Социальная психология/под ред.С.Московичи. – СПб: Питер, 2007
4. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб: прайм-еврознак, 2003
5. Зимбардо Ф., Ляйпе М. социальное влияние – СПб.: Питер, 2001
6. Ольшанский Д.В. Психология масс. - СПб: Питер, 2001 (113-139)
7. Гарри К. Триандис. Культура и социальное поведение. Форум, Москва, 2007
8. Аронсон А. Общественное животное. Введение в социальную психологию, СПб: прайм-еврознак, 2006

Динамика ксенофобских установок в среде футбольных фанатов

*Тян Андрей Андреевич**

аспирант

Центр Социологии Образования Российской Академии Образования, Москва, Россия.

E-mail: Tyan85@mail.ru

В феврале 2007 года в МВД России состоялось совещание по вопросу: «О профилактике правонарушений среди футбольных болельщиков, реализации комплекса мер по обеспечению правопорядка и безопасности при проведении футбольных матчей сезона 2007». В процессе совещания глава МВД России Рашид Нургалиев выразил особую озабоченность тем, что сегодня опасной тенденцией становится так называемая «английская болезнь», когда фанаты стремятся проявить себя в кулачных боях и уличных беспорядках (Брусов, Объединенная редакция МВД России, 2007). Эту

проблему можно игнорировать, но ее нельзя не заметить. К сожалению, ей уделяется недостаточно внимания со стороны общества, также мало изучен ее психологический аспект.

Проблему околофутбольного насилия можно рассматривать как минимум с двух точек зрения: с точки зрения социальной психологии и с точки зрения психологии личности. В настоящем исследовании данная проблема рассматривается с точки зрения психологии личности. Существование «футбольного хулиганства» невозможно без образа врага, следовательно мы оказываемся перед необходимостью изучения этого явления с точки зрения проблемы ксенофобии.

Целью данной работы является исследование влияния субкультуры «футбольного хулиганства» на личность подростков и молодых людей.

Объект исследования

Экспериментальная группа. В исследовании приняли участие испытуемые (представители околофутбольного движения России) в возрасте от 15 до 28 лет мужского пола. Это молодые люди, в основном, из средне (61 %) или хорошо (32%) обеспеченных семей. Большинство из них учатся или закончили высшие учебные заведения.

В выборку 2005-2007 гг. были включены люди, которые занимаются околофутбольным насилием от 1 года до 14 лет. Большинство испытуемых попали в околофутбольное движение в возрасте от 14 до 17 лет.

Контрольная группа. В контрольную группу вошли респонденты в возрасте от 19 до 28 лет мужского пола. Преимущественно это молодые люди из хорошо обеспеченных семей, студенты.

В данном исследовании приняли участие 168 человек

Предмет исследования: ксенофобические, агрессивные и толерантные установки у футбольных хулиганов.

Методы исследования: включенное наблюдение, экспресс-опросник «Индекс толерантности, доверия и ксенофобии», тест на агрессивность Басса-Дарки, рисуночный тест фрустрации Розенцвейга.

В процессе исследования нами были получены следующие результаты:

В ходе выявления уровня толерантности, агрессии и ксенофобии у контрольной и экспериментальной групп полученные данные свидетельствуют о повышенном уровне ксенофобии у экспериментальной группы, а уровень толерантности в экспериментальной группе ниже, чем у контрольной группы, причем различия значимы.

Результаты исследования агрессии у испытуемых показали что, в среде футбольных хулиганов, нужно говорить об агрессии, как об акте поведения, а не как о черте личности.

Далее была рассмотрена динамика ксенофобических установок в зависимости от количества лет, проведенных в «футбольном хулиганстве», и между выборками 2005 и 2007 годов. В ходе анализа не выявлена корреляция между индексом ксенофобии и количеством лет, проведенных участником в движении «футбольного хулиганства» (выборка 2007 года), так же не выявлена корреляция ксенофобии к незнакомым и количеством лет, проведенных участником в движении «футбольного хулиганства» во всей экспериментальной группе 2005-2007 годов (108 респондентов).

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

«Футбольный хулиганизм» - это целая субкультура внутри неформальной группы футбольных фанатов.

«Футбольный хулиганизм» можно назвать комплексным решением личностных потребностей его участников. В них входят: борьба с ксенофобическими страхами, потребность в самоутверждении, потребность в самоидентификации и тд.

Существует ошибочное представление о том, что футбольные хулиганы – это выходцы из низшего класса. Наши исследования показывают, что футбольные хулиганы происходят из всех слоев общества, многие из них имеют престижную высокооплачиваемую работу, хорошее образование, семью. Хулиганы живут обычной жизнью, как все нормальные люди, но в день футбольного матча они становятся участниками уличной войны.

У футбольных хулиганов повышенный уровень ксенофобии и пониженный уровень толерантности, по сравнению с контрольной группой.

Агрессия в среде футбольных хулиганов является инструментальной, так как она направлена на достижение определенных целей, связанных с конкретной группой, например с группой *Стигматизированных Чужих* (болельщики другого клуба).

Субкультура «футбольного хулиганства» не способствует развитию уровня ксенофобических установок личности. В данную субкультуру уже приходят люди с повышенным уровнем ксенофобии – поэтому у них есть потребность в разрядке ксенофобической агрессии. Но этот завышенный уровень поддерживается субкультурой.

Результаты данного исследования дают эмпирический материал по теме толерантности, агрессии и ксенофобии; позволяют детерминировать «футбольный хулиганство» как самостоятельную субкультуру и рассматривать его как значимую проблему российского общества.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2002.
2. Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб., 2002.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2001.
4. Кутитьина А.А. Лукс Г.А. Матвеева А.А. «Неформальные объединения молодежи на рубеже тысячелетия». Самара: СГУ, 2001
5. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») М., 1994. –269с.
6. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М., 1996.
7. Солдатова Г.В. «В МИРЕ «ЧУЖИХ»: ПСИХОЛОГИЯ КСЕНОФОБИИ»//век толерантности, №8, 2005
8. Топалов М.// «Молодежная культура: Молодежь и проблемы современной художественной культуры» сборник научных статей, Л., 1990.
9. Buss.A.H. The psychology of aggression. New York: John Wiley, 1961.
10. Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup behavior. Oxford, 1982.
11. Zillmann D. Hostility and aggression. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979 и др.

Нарративный анализ национальной идентичности как фактора межэтнического взаимодействия

Фабрикант Маргарита Сауловна

аспирантка

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: rita.bsu@tut.by

История исследования национальной идентичности характеризуется взаимно изолированным развитием двух направлений – историко-социологических исследований наций и национализма и кросс-культурной психологии. Первое из этих направлений, опираясь на концептуально-философское наследие, стремится к построению всеобъемлющей теории, объясняющей природу национальности как исторического

явления и социальной конфигурации, а в прикладном аспекте видит свою задачу в указании путей превенции национализма в его экстремальных проявлениях и урегулирования межнациональных противоречий и конфликтов [2, 3]. Кросс-культурная психология, напротив, ориентируется на сбор и синтез эмпирических данных о конкретных национальных культурах, избегая теоретизирования о природе наций как идеологически окрашенного, а область прикладного применения своих открытий определяет как разработку программ по развитию навыков межэтнического взаимодействия путем распространения знаний о других культурах на индивидуальном, а не региональном и глобальном уровнях [4,5].

Тем не менее, многие проблемы, сопутствующие межэтническому взаимодействию, зачастую сопряжены не с недостатком знаний о различных национальных культурах, но имеют значительно более глубокие корни в самой национальной идентичности участника взаимодействия. Под национальной идентичностью, в отличие от национальной принадлежности, следует понимать не только самоотнесение к определенной нации, но и релевантную систему смыслов, включающую представления о генезисе и признаках национальной принадлежности, природе мира наций в настоящее время и в исторической перспективе, соотношении выбора и обязательств и перспективы их выполнения. Следовательно, методологическая программа междисциплинарного исследования национальной идентичности должна предоставлять возможность для интеграции теоретических и прикладных контекстов историко-социологических исследований национальности и кросс-культурной психологии.

Одним из наиболее перспективных методов осуществления данной исследовательской программы нам представляется нарративный анализ. Во-первых, автобиографический нарратив, сфокусированный на теме национальной идентичности, открывает доступ к многообразию ролей, значений и смыслов, недоступных для выявления другими методами. Во-вторых, развернутость во времени как неотъемлемая и одна из наиболее существенных характеристик нарратива позволяет раскрыть не только рефлексивные представления нарратора о времени, но и его способ бытия во времени в индивидуальной и национальной истории, что обеспечивает диалог между социальной психологией и историографией. В-третьих, перформативный нарративный анализ, разработанный С.Уортамом на основании идей М.Бахтина, предлагает интерпретацию нарратива как диалога между различными актуализируемыми голосами посредством установления соответствий с индивидуальным опытом нарратора, в котором, в свою очередь, конкретизируются особенности макросоциальных структур и процессов в изучаемой социокультурной общности. Это обстоятельство создает необходимые точки соприкосновения между психологией и социологией, а также демонстрируют непосредственную актуализацию паттернов межэтнического взаимодействия [1,6].

При всей позитивной значимости перечисленных особенностей нарративного анализа, простого следования общим принципам реализации данного метода недостаточно для исследования национальной идентичности. Хотя поиск нередуцированной идиографической информации предполагает обращение к качественным методам на этапе сбора эмпирических данных, выводы о имике конкретной национальной культуры должны быть обоснованы систематизацией, осуществленной в ходе интерпретации данных. Разработанная нами модель нарративного анализа национальной идентичности, призванная повысить чувствительность исследователя к интерпретируемому материалу и обеспечить переход от индивидуального к культуральному уровню анализа, включает в себя следующие этапы.

Разбиение текста нарратива на темпоральные эпизоды. Темпоральный эпизод определяется нами как фрагмент текста, ограниченный сменой времени излагаемых событий, но не содержащий ни одной темпоральной смены внутри себя.

Установление темпоральной соотнесенности эпизода. Первой существенной характеристикой темпорального эпизода нами полагается его локализация по отношению как к личности нарратора (время индивидуальной, национальной или глобальной истории), так и моменту наррации (прошлое, настоящее, будущее, а также атемпоральная данность этической или эпистемологической природы) и содержательному ритму (например, автономное или обусловленное повторение, процесс, событийный перелом).

Теоретическая контекстуализация содержательного мотива темпорального эпизода (например, мотив факторов национальной самоидентификации, этнических стереотипов, опыта межэтнического взаимодействия).

Определение рефлексивной позиции нарратора по отношению к содержательному мотиву темпорального эпизода (например, национальная гордость, одобрение, сомнение, выражение намерения).

Идентификация специальных лингвистических приемов (например, формализованный язык, клише, иностранные слова, цитирование)

Характеристика фигуры адресата. Согласно перформативной версии нарративного анализа, любая наррация предполагает обращение к некоторому Другому, который таким образом включается в диалог. В нарративе национальной идентичности в качестве адресата могут выступать, например, обобщенный представитель своей нации, эксперт, носитель другой национальной идентичности.

Выявление и, при наличии, характеристика фигуры деадресата. Феномен исключения из диалога, не получивший рассмотрения в работах, посвященных нарративному анализу и диалогической самости, неоднократно обнаруживался нами в ходе наших собственных эмпирических исследований и, по-видимому, играет особую роль в нарративах национальной идентичности, идентифицируя и конкретизируя наиболее насущные проблемы в реализации данным нарратором межэтнического взаимодействия.

Таким образом, разработанная нами модель нарративного анализа национальной идентичности создает предпосылки как для получения необходимых качественно новых знаний, так и для теоретической и прикладной междисциплинарной интеграции.

Литература

1. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Учебное пособие для вузов. – Мн.: АСАР, 2005.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - London and New York: Verso, 1991,
3. Billig M. Banal Nationalism. - London: Sage Publications, 1995.
4. Smith P.B. Nations, cultures, and individuals: New perspectives and old dilemmas. //Journal of Cross-cultural psychology, 2004, Vol. 35, no. 1, pp. 6-12.
5. Triandis H.C. Culture and social behavior. – NY: McGraw-Hill, 1994.
6. Wortham S. Narratives in action. A strategy for research and analysis. — NY: Teachers College Press, 2001.

Социальный интеллект как фактор формирования отношения к социально значимым объектам: роль и место в процессе реализации межкультурной коммуникации

Фёдорова Елена Александровна

ассистент

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия

E-mail: FEA2409@mail.ru

Проблема исследования социального интеллекта становится всё более актуальной на современном этапе развития социальной психологии. Это обусловлено спецификой данного феномена, который, является чрезвычайно важным практическим качеством, природа которого не изучена в полной мере. Социальный интеллект – это чётко согласованная группа ментальных способностей, реализующихся в регуляции познания человеком социума и его поведения в нём, развивающихся в процессе социализации. Отличительными особенностями данной группы ментальных способностей является:

- их множественный характер (то есть комплекс или группа способностей), поэтому он неразрывно связан с деятельностью человека.
- неоднозначность природы его связей с академическим интеллектом
- предмет реализации данной группы способностей (установление отношений между людьми).

Мы считаем, что феномен «социальный интеллект» выступает одной из основ успешного межличностного общения. В отечественной традиции исследование социального интеллекта проводилось в его неразрывной взаимосвязи с коммуникативной компетентностью (Н.А. Аминов, М.В. Молоканов, М.И. Бонёва, Ю.Н. Емельянов, А.А. Кидрон, А.Л. Южанинова и другие).

В 80 – 90 – е годы выделилось ещё одно направление позволяющее рассмотреть многоаспектность данного феномена: психология социального познания. Работы А.А. Бодалёва, Н.В. Васиной, Г.М. Андреевой выступают в качестве методологической основы анализа социального интеллекта в рамках процесса социального познания. Как отмечает А.А. Бодалёв социальный интеллект – это социальная перцепция как свойство, то есть такой атрибут субъекта отражения, который выделяется в режимах психологии личности. В связи с этим особое внимание привлекает роль социального интеллекта в процессе познания социальной действительности, в качестве структурной единицы которой мы предлагаем рассматривать социально – значимый объект. Социально – значимый объект - это универсальная структурная единица в познании социума человеком, приобретающая своё содержание благодаря его социокультурным особенностям, познание которых осуществляется в процессе социализации. Одной из основных характеристик познания социально – значимых объектов является формирование отношения к ним, которое играет решающую роль в процессе коммуникации реализуемой в ситуации диалога культур.

Проблема межкультурной коммуникации в силу сложности предмета своего исследования требует глубокого междисциплинарного анализа её различных аспектов. Основы теории межкультурной коммуникации разработаны в рамках культурологии лингвистики, психолингвистики, этнопсихологии и лингводидактики. Прикладная модель этого феномена разработанная в рамках лингводидактики содержит такие субкомпетентности как лингвистическая (владение языком общения), социокультурная (знание норм и правил принятых в данной лингвокультурной общности), социолингвистическая (способность выбора языковых форм на основе ситуации общения), дискурсивная (умение грамотно построить своё высказывание). Наш взгляд данная модель не может быть эффективной с точки зрения психологии, поскольку она позволяет снабдить обучаемого знаниями о культуре, но не сформировать соответствующее отношение к социально – значимым объектам, принятое в данной культуре. Исходя из вышесказанного, была сформулирована гипотеза исследования влияния уровня развития и структуры социального интеллекта на формирование отношения к социально – значимым объектам у представителей различных этнических групп. Для проверки данной гипотезы было предпринято исследование, состоящее из трёх этапов. На первом этапе было установлено, что уровень развития социального интеллекта напрямую взаимосвязан со способностью изменения отношения к социально

– значимым объектам у Россиян, находящихся в условиях эмиграции в США и Германии. На втором этапе исследования было установлено, что степень выраженности способностей, включаемых в структуру социального интеллекта, варьируется в зависимости от национальной принадлежности испытуемых и является определяющим фактором для степени и знака выраженности отношения к социально – значимым объектам. Например, у татар был выявлен более высокий уровень эмоционального интеллекта и более позитивное отношение к значимым другим. На третьем этапе проводился анализ дидактических единиц в рамках программ обучения межкультурной коммуникации и были выработаны упражнения для формирования отношения к ключевым социально – значимым объектам, принятого в США. В ходе контрольных срезов в контрольной и экспериментальной группе была установлена более высокая эффективность обучения межкультурной коммуникации (на 33% выше в экспериментальной группе, чем в контрольной). Таким образом, было установлено, что социальный интеллект является фактором формирования отношения к социально – значимым объектам, что позволяет разрабатывать и внедрять дополнительные материалы по обучению иностранному языку на основе выделанной специфики отношения к социально – значимым объектам у представителей различных этнических групп и таким образом оптимизировать процесс обучения межкультурной коммуникации.

Литература

1. Андреева Г.М. (2005) Психология социального познания: Учеб. Пособие для студентов вузов/Г.М. Андреева. – 3 – е изд., перераб. И доп. – М.: Аспект Пресс.
2. Елизарова Г.В. (2005) Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО.
3. Куница В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. (2003) Межличностное общение: Учебник для вузов - СПб.: Питер.
4. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты)/Под ред. А.А. Бодалёва, Н.В. Васиной. – СПб.: Речь, 2005. – 324 с.
5. Садохин А.П. (2004) Теория и практика межкультурной коммуникации: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ - ДАНА.
6. Щедровицкий Г.П. (2004) Интеллект и коммуникация //Вопросы философии № 3.

Проблема спользования национальных традиций в воспитании детей

Халилова Зарина Альбертовна, Белоус Ольга Валерьевна

студент; доцент, кандидат психол. наук

Армавирский государственный педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: belous_a@inbox.ru

На современном этапе развития социальных отношений ценности традиционного общества не только не усваиваются, но и элиминируются, с тем чтобы заменить их новыми ценностями, имеющими узкую, утилитарную направленность. Следствием чего становится отношение человека к миру агрессивным, личность нивелируется и превращается в индивида, удовлетворяющего свои базовые потребности. Возникает необходимость в более глубоком понимании ценностей традиционного общества, которые являются основой общечеловеческих ценностей. Они необходимы человеку, несмотря на инновационный характер современного социума. Постепенное исключение из перечня основных социальных констант высших ценностей, которые имеют сейчас место, обедняет духовный мир личности и не ведет к обогащению и увеличению многообразия духовного и материального мира. В данной диссертационной работе

решается проблема личности как ее отношение к миру. Известно, что именно ценностное отношение к миру определяет жизнедеятельность человека.

Человек становится личностью лишь в том случае, когда он руководствуется высшими ценностями. Они зафиксированы и выражены в устном народном творчестве (фольклоре) в виде пословиц и поговорок, притч и сказок, песен, мифов и преданий, и нет оснований полагать, что они потеряли свою значимость в современной жизни. Напротив, они дают верную ориентацию и смысл бытия. Ценности народа пережиты, проверены в критических ситуациях и сохранены в устном народном творчестве.

В процессе развития общества каждый народ вырабатывает свои особые способы ориентации человека в мире. Эти способы суть формы жизнедеятельности человека. Иерархия ценностей определяет поведение человека, общества в целом. Анализируя иерархию ценностей, имплицитно заключенную в структуре устного народного творчества, мы познаем не только поведение исторических личностей и народов, но и можем спрогнозировать будущее нашего общества, поскольку основа ориентации, несмотря на инновации, остается неизменной. Основой ценностной ориентации личности является весь нравственный опыт народа, зафиксированный в пословицах и поговорках как ценностных моделях. Эти модели обладают свойством ситуативности и относительности. Возникает вопрос: от чего зависит поведение личности? Ориентация человека в мире детерминируется не только сложившимися объективными обстоятельствами, но и ценностями, усвоенными и осознанными в процессе социализации или выработанными как совокупность накопленных духовных переживаний, которые можно назвать нравственным опытом личности. Именно нравственный опыт формирует и регулирует поведение человека в мире.

Поэтому выявление сущности поведения человека становится особо актуальным, т.к. моральная основа общества деградирует. Ее восстановление возможно, если мы обратимся к истории возникновения ценностей, запечатленных в устном народном творчестве, раскроем их структурную организацию, осознаем общечеловеческое наследие исторического пути народа.

Безусловно, личность руководствуется не только общечеловеческими ценностями, но и особыми, присущими той общности, в которой происходит ее самореализация. Ценности, познаваемые в устном народном творчестве, есть особенные ценности народа, становящиеся личностными в конкретных ситуациях. В исследовании ценностных ориентаций личности мы ограничиваемся тем, что выражено в пословицах и поговорках, притчах и сказках, мифах и легендах, благопожеланиях и молитвословиях, которыми человек всегда ориентируется в повседневной жизни.

У каждого из народов, населяющих нашу многонациональную Родину, сформировалась своя «система» правил и норм поведения, нашедшая воплощение в моральном кодексе, закреплённом в специфических формах народного творчества. Например, у русских моральный кодекс нашел свое высшее воплощение в былинах, пословицах, поговорках, песнях, сказках, у белорусов – в пословицах, поговорках, сказках и песнях, у эстонцев – в знаменитом «Калевипозге», у узбеков – в дастанах, сказках, пословицах и поговорках, у чувашей – в колыбельных песнях, полевых молениях, в похоронных плачах, у грузин – в мифологических сказаниях, песнях, пословицах и поговорках, сказках, у азербайджанцев – в эпосе «Китаби-деде Коркуд», у киргизов – в эпосе «Манас».

Раскрывая роль традиций в воспитании подрастающего поколения, мы берем в качестве отправной точки народную мудрость: «Без большого корня дерева не бывает».

Неоценимым воспитательным потенциалом обладают семейные архивы, где хранятся фотографии предков, старинные реликвии. В этом – залог преемственной связи поколений, сохранения фамильной чести, уважении я к предкам.

В развитии, воспитании и формировании личности главное и решающее место принадлежит семье, от нравственного климата которой зависит, каким будет подрастающий человек. Недаром в народе говорят: «Где в семье лад, там и дети хорошо воспитываются». Поэтому одной из важнейших забот народной педагогики является подготовка молодежи к семейной жизни.

Большую роль в формировании духовной культуры веками играла религия: она была своеобразным регулятором нравственности, так как человек соизмеряя свое поведение с богом, с высшим мерилем совести и справедливости, с идеалом, который исторически сложился в сознании народа.

Воспитанию целомудренных отношений между юношами и девушками способствовал обычай «посиделок», где занимались рукоделием, пели песни, сказывали сказки, загадывали загадки, проводили различные игры. Как правило, в этих действиях участвовали взрослые, опытные люди.

Немаловажное воспитательное значение в формировании целомудрия имеют свадебные традиции, обычаи, обряды. Например, так называемый «посад на дежу» у белорусов. Еще в начале нашего столетия этнографы отмечали, что главное условие посада – это целомудрие как жениха, так и невесты. Они же приводили примеры, когда родители отказывались благословлять сына или дочь, не сохранивших целомудрие. Гласность, общественное мнение стоят на страже чистоты взаимоотношений юноши и девушки.

Изучение многообразных аспектов целей воспитания у народов России в последние десятилетия уделяется значительное внимание. Они в широком социальном и более конкретном образовательном планах фиксируют то, что сложилось в жизни, в менталитете народа или провозглашено различными способами как норма. Дагестан, с свойственными ему полиэтничностью и многообразием культурных традиций, представляет в этом отношении несомненный интерес.

Весь комплекс сложившихся в народе моральных ценностей направлен на формирование идеала совершенного человека, слагаемыми которого являются следующие характеристики: честь, совесть и человеческое достоинство, преданность традициям, обычаям, мудрости предков. Создание образа идеального человека является внутренней потребностью любой культуры, любой религии. Идеальные образы героев – достойных и мудрых людей – задают цель воспитанию и самовоспитанию. Они служат неким образцом, с которым соизмеряется реально поведение людей.

Особенности содержания образа «Я» в зависимости от этнокультурной и гендерной принадлежности

Хамидуллина Эльвира Ильдаровна

студентка

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань, Россия

E-mail: elvi.06@mail.ru

В установлении оснований и критериев самооценки, а также в наполнении образа «Я» конкретным содержанием, определяющее значение имеет система значений, смыслов и ценностных представлений, характерная для той или иной культуры. Содержание «образа Я» в своей основе изначально задано культурой, с которой связано развитие психических процессов индивидуума в онтогенезе, и которая определяет становление личности (Л.С. Выготский, А.Н.Леонтьев). Однако культурная система представляет собой уровневое, сложно структурированное, динамично изменяющееся и самоорганизующееся образование. Изменения политических, правовых, экономических

норм и правил, не могут не отразиться и на системе мировоззрения отдельной личности, содержании «образа Я», установках, в проектировании своей жизни, в постановке целей и выбора способов их достижения, оценке своей успешности. Гендерная схема играет определяющую роль в формировании гендерного самосознания и идентификации, гендерной самокатегоризации личности, поэтому содержание «образа Я» должно отражать гендерные представления в обществе. В то же время, в этнопсихологии выделяется феномен «этнического парадокса современности», суть которого в том, что для современного мира парадоксальным образом характерно не стирание и нивелирование значения этнических особенностей жизнедеятельности, а напротив, актуализация и возрастание важности этнокультурной специфики в самоопределении, идентификации как на индивидуальном, так и на общественном уровне (Стефаненко Т.Г., 2000). Таким образом, возникает проблема: как отражаются в содержании «образа Я» современных молодых людей, включенных в систему глобальной мировой культуры и экономики, особенности их этнической и гендерной принадлежности?

Определение особенностей содержания «образа Я» в зависимости от этнокультурной и гендерной принадлежности, осуществлялось в рамках реализации международного проекта «Исследование русского характера и личности», организованного Университетом г. Тарту (Эстония) и направленного на комплексное обследование личности. В нашем исследовании приняло участие 287 испытуемых, обучающихся в разных вузах г. Казани, 12% – мужчин и 32% – женщин русской национальности, 24% – мужчин 32% – женщины татарской национальности. В качестве основной методики использовался тест «Опросник национального характера», входящий в структуру анкеты. Опросник сконструирован по типу личностного дифференциала и включает в себя 34 качества личности, данные как полярные характеристики, по ним и осуществлялась самооценка испытуемых. Обработка данных осуществлялась методом факторного анализа с использованием нормализованного варимакс-вращения (в программе Statistica 6.0). Производилось выделение двух значимых факторов содержания самооценки для каждой подгруппы испытуемых.

Анализ результатов позволил выявить как сходства, так и различия в семантических основаниях содержания образа Я. У мужчин, как русской, так и татарской национальности одним из общих оснований самооценки выступает фактор "доброта, отзывчивость / черствость, эгоизм", который составляют характеристики: заботливые, добросердечные, сотрудничающие, уступчивые, эмоционально чувствительные / эгоистичные. скупые, черствые и т.п. Вторым общим основанием самооценки выступает "активность, целеустремленность жизненной позиции / пассивность, ведомость", проявляющееся через характеристики: общительные, амбициозные, целеустремленные, устраивающие сами свою жизнь, не полагающиеся на волю случая, сами себе хозяева / покорные, ведомые, предпочитающие держаться в тени, избегающие риска, покорные судьбе и т.п.

У женщин русской национальности важным основанием самооценки выступает "активность в общении / пассивность, замкнутость", состоящая из характеристик: общительные, оптимистичные, устраивающие сами свою жизнь, неунывающие, общающиеся легко и непринужденно / застенчивые, стеснительные, полагающиеся на волю случая, покорные судьбе, пессимистичные. Вторым основанием выступает фактор, который был назван "организованность / неорганизованность" (обязательные, старательные, организованные, предсказуемые / необязательные, неорганизованные, ненадежные, противоречивые, непредсказуемые).

У женщин татарской национальности первым основанием самооценки выступает "опекающая / черствая позиция в отношениях" (отзывчивые, добросердечные / эгоистичные, скупые, черствые, немилосердные). Вторым основанием самооценки является "целеустремленность / несобранность" (целеустремленные, амбициозные, не

полагающиеся на волю случая, непринужденные, способные, эффективные, уверенные, дисциплинированные / апатичные, ленивые, неорганизованные, необязательные, неумелые, неподготовленные, не доводящие дело до конца).

Полученные данные говорят о том, что основания самооценки у девушек возникают под воздействием как гендерных, так и этнокультурных влияний. В то же время у юношей этнических различий в основаниях самооценки не наблюдается. Возможно, включенность в единые социокультурные условия приводят к сходным основаниям в оценке восприятия себя. Полученные результаты соотносятся с эволюционно-генетической концепцией (Геодакян В.А.): в сознании девушек этнокультурная специфика сохраняется дольше, в то время как самосознание юношей отражает современные социокультурные представления.

Литература

1. Марцинковская Т.Д.(2002) История психологии: Учебное пособие для студ. Высш. учеб. Заведений. –М.: Издательский центр "Академия".
2. Малкина-Пых. И.Г. (2006) Гендерная терапия – М.: Эксмо. – (Справочник практического психолога).
3. Психология самосознания. Хрестоматия. (2007) – Самара: Издательский дом «Бахрах-М».
4. Раусте фон Врихт М. (1982) Образ «Я» как структура личности // Проблемы психологии личности. – М.
5. Стефаненко Т.Г. (2000) Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.